

Червиньски П.
Катовице, Польша

ЯЗЫК
СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ:
СЕМАНТИКА ПОЗИТИВА
В ОБОЗНАЧЕНИИ ЛИЦ (4)

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Статья содержит разработку последующих параметров фрагмента системной модели, лежащей в основе советского образа и представления действительности в отношении позитивных признаков человека. В своей семантике и отношении к месту в модели описываются номинативные единицы двух соотносимых параметров, определенных как принадлежность (активист (член актива), правдист, известинец, кировец, пролеткультовец, красноармеец, интербригадовец, кухаркины дети, подписчик, штабист и др.) и нужность (плановик, кадровик, агроном, председатель, мастер, бригадир, монтажник, высотник, пограничник, дружинник и т.п.). Представленная как многоуровневая система может служить примером идеологических и политических вербально-концептуальных и смысловых построений.

Ключевые слова: язык советской действительности, обозначения лиц, семантика позитива, советская языковая картина мира, язык и идеология, парадигматическая модель описания.

Сведения об авторе: Червиньски Петр, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка.

Место работы: Силезский университет.

Контактная информация: ul. Grota-Roweckiego, 5, 41-206, Sosnowiec, Poland.

E-mail: czerwinski.piotr@gmail.com

Chervinsky P.
Katowice, Poland

LANGUAGE
OF THE SOVIET REALITY:
SEMANTICS OF POSITIVE
IN DESIGNATION OF PERSONS (4)

ГСНТИ 16.21.27

Kod BAK 10.02.01

Abstract. The article contains elaboration of subsequent parameters of a fragment of system model underlying the Soviet image and representation of reality concerning the positive attributes of a man. In their semantics and position in the model units of two correlated parameters are described defined as belonging and necessity. Introduced as multilevel the system can serve an example of ideological and political verbal-conceptual and semantic constructions.

Key words: language of the Soviet reality, designation of persons, semantics of a positive Soviet language world picture, language and ideology, paradigmatic model of description.

About the author: Chervinsky Petr, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of the Russian Language.

Place of employment: Silesian University.

Соотносимую пару предлагаемых для описания в настоящей статье параметров рассматриваемой парадигмосистемы [см. Червиньски 2008/3; 2009/1; 2009/2; 2009/3] будут составлять охарактеризованные в отношении обозначаемых лиц принадлежность / нужность. Их место в парадигмосистеме было определено как такое, которое предполагает обозначение человека как представителя некоторого объединения, коллектива, группы, массива, множества или числа, с отличием в признаках имманентного (кумулятивного) для принадлежности и придаваемого (аддитивного) в отношении нужности свойств.

Принадлежащим, тем самым, следовало бы рассматривать в указанном отношении такое лицо, которое определяется в приписываемом ему лексическим способом обозначении как представитель, член определенным образом действующего, выполняющего задание, наделяемого какими-то социальными функциями объединения, коллектива. Нужным – лицо не столько как представителя коллектива (коллектив может подразумеваться, но в обозначении не актуализироваться), сколько как направ-

ляемого, назначаемого, предполагаемого в коллективе, нужного в нем для нормального функционирования, исполнения возлагаемых обязанностей и заданий, функционера и исполнителя соответствующей общественной роли. Отличие между тем и другим отношением к коллективу и в коллективе, членом и представителем которого данное лицо выступает, можно было бы воспринимать как внутреннее, находящегося в самом коллективе, внутри, в нем самом, как его равноправный член и участник, и внешнее, приписываемого, придаваемого ему для его, коллектива, привычных заданий и исполнительских целей. Примерами слов со значениями принадлежности могли бы быть *активист* (как член актива, понимаемого как группа и коллектив, наделенный определенными свойствами), *правдист* (как член редакции газеты «Правда»), *штабист* (работник, один из работников штаба, воспринимаемого как коллектив, группа лиц). Примерами слов со значениями нужности, соответственно, *плановик*, *кадровик*, *агроном*, *бригадир*, *председатель* – как такие работники и представители коллектива, определяющим смыслом, чертой которых является

не то, что они в него входят, являются его частью, а то, что они ему необходимы как обеспечивающие, направляющие, реализующие нормальное его функционирование, общественные позиции и места.

Предметом типологического различения и семантических группировок внутри разбираемых параметров должны быть такие характеризующие предполагаемую дифференциацию условия, которые могли бы дать представление об особенностях парадигматического устройства, особенностях концептуализации объектов реального мира, типичных и свойственных для языка советской действительности. Трудность такой задачи состоит в неизбежном, как естественным образом возникающем, так и намеренно реальным и понятийным объектам приписываемом совмещении того, что является следствием общего, не отмеченного и не сугубо советского обозначения, с тем и таким, которое следует из советской специфики. Различение, в известном смысле и отношении важное и не случайное, позволяющее делать выводы и судить на примере описываемой парадигмы о том, что собственно представляет собой советизированное насыщение семантики языка в его словарных, полусловарных, речевых узальных и контекстуальных употреблениях и номинативах.

Попробуем на примере подобных номинативов, отнесенных нами к параметру принадлежности, выявить некоторые особенности, влияющие на их характер как в отношении проявляемого в них и свойственного им признака советизированной отмеченности, так и в отношении типологического разграничения, позволяющего их вписывать и относить к какому-то месту в описываемой структуре, уточняя, тем самым и одновременно, ее самоё. Особенности эти будут иметь характер, связанный с внешними языковыми, оформляющими слово, чертами и признаками, с такими же языковыми, но внутренними, т.е. семантическими, а также с признаками, соотносимыми с концептуализируемой под советским углом представления и восприятия действительностью либо уже и устроенной, организованной под этим углом. Действительность эта будет иметь, в силу смысловых особенностей разбираемого параметра, вид советского общественного и социального бытия. Общественное и социальное в данном случае можно рассматривать как соотносимую пару того, что продукт и проекция (общественное бытие), к тому, что выступает, проявляет, ведет себя как продуцирующее продукта и проявляющееся в проекции общественного бытия (социальная организация, устройство, его институты, что принято было обозначать как *советское общественное устройство*, в смысле организующих общественное пространство учреждений, структур и связей).

Интересующее нас типологизирующее проявление в отношении семантических признаков

описываемого параметра, отраженных в семантике выбранных слов, можно усматривать в характере типа объединения (коллектива, группы, массива) и представительства, т.е. того, членом, частью, элементом какого множества лиц, какого вида и типа данного множества, является обозначаемый человек и каким представителем, репрезентативным видом и типом, он предстает в отношении к данному объединению и обществу в целом через него. Характер рассматриваемого значения, отображаемого в типе объединения и представительства, будет учитывать, по мере возможности, тип и характер, а также, отчасти, и степень советскости, заключенный *implicite* в обозначении.

Попробуем разобраться с поставленными вопросами для большей их ясности на примерах, учитывая как словообразовательные (структурные и производящие) признаки слова, так и его мотивирующие, семантические и концептуальные основания, проявляющие себя, осознаваемо или нет, для носителей языка советской действительности. Прежде чем взяться за эту задачу, в результате которой, на базе полученной типологии степени и характера советизированности значений, можно будет с большими к тому основаниями и объективностью разрешить стоящую перед нами парадигматическую проблему пятивалентного в основе своей, с выделением уровней, описания значений (семантических признаков) параметра принадлежности, представим недифференцированным пока что списком номинативные единицы, отнесенные нами к описываемому параметру, с тем чтобы увидеть их все. К единицам этим были отнесены (для наглядности даны в алфавитном порядке) *активист* (член актива), *боец стройотряда*, *вхутемасовец*, *гражданин*, *довженковец*, *досаафовец*, *жактовец*, *женотделка*, *жилтоварищ* (член жилтоварищества, объединения жильцов дома, жилого массива), *известинец*, *интербригадовец*, *каждый* (как член советского общества), *квартирант* (жилец коммунальной квартиры), *кировец* (рабочий Кировского завода), *койко-больной*, *комфут* (коммунистический футурист), *конармеец*, *конноармеец*, *конногвардеец*, *красноармеец*, *красногвардеец*, *краснопутиловец* (рабочий завода «Красный путиловец»), *краснофлотец* (рядовой Военно-морского флота), *красный*, *кухарка* (как представитель народа, которого надо было привлечь к управлению государством), *кухаркины дети*, *напостовец* (член группы писателей «На посту»), *низовик* (член низовой организации), *осводовец* (член общества спасения на водах), *осоавиахимовец* (член общества содействия обороне и авиационно-химическому строительству), *партийный*, *подписчик*, *подпольщик*, *политотделец*, *политотдельщик*, *правдист*, *правленец*, *пролетарий*, *пролеткультовец*, *пролетписатель*, *рабочий*, *рабочкомец*, *рапповец*, *сельсоветчик*, *советский* (представитель власти), *совписатель*, *социа-*

лист, сочувствующий, тассовец, товарищ (как каждый член советского общества), *управленец, фабзавкомовец, фабкомовец, член* (сознательный общества, ВЛКСМ, КПСС, почетный бригады), *чоновец* (боец частей особого назначения по борьбе с бандитизмом), *штабист* (член комсомольского штаба ударной бригады, стройки).

Первое, на что следовало бы обратить внимание, разбирая представленные к анализу единицы, это на разный характер их внутренне-го устройства и отношения к ощущаемой в них степени советизированной привязки. Высокой степенью подобной привязанности, поддержанной формой, обладают образования от характерных для новых явлений действительности аббревиатур инициально-буквенного (*досаафовец, жактовец, рапповец, тассовец, чоновец*) и сокращенного типа (*вхутемасовец, интербригадовец, комфут, конармеец, осволовец, осоавиахимовец, политотделец, политотдельщик, пролеткультовец, пролетписатель, рабочкомец, сельсоветчик, совписатель, фабзавкомовец, фабкомовец*); образования от имен собственных – фамилий известных деятелей (*довженковец, кировец*), названий газет (*известинец, правдист*) и творческих объединений, журналов (*напостовец*). Если в первой группе носителями новых явлений, тем самым советскости, можно считать аббревиатурные обозначения обществ, объединений, организаций, т.е. сами такие общества типа ОСОАВИАХИМ, ДОСААФ, ЖАКТ, РАПП, ТАСС или ЧОН, то во второй есть такие, которые (ВХУТЕМАС, ОСВОД), не имея в своем структурном, буквенном и инициальном, составе ничего сугубо советского, возникнув в советское время, к таким новым явлениям, вызванным к жизни советской действительностью, советской концепцией жизни, примыкают, равно как и наряду с ними такие, которые свою советскость передают в элементах начала, имеющих соответствующее значение, происхождения и хождение и непосредственно связываемых с советской действительностью, следующих из нее: *интер(национальный), ком(мунистический), кон(ный), полит(ический), пролет(арский), рабоч(ий), ком(итет), сель(ский), сов(етский), фаб(ричный), зав(одской)*. И хотя сами эти начальные элементы можно по-разному трактовать в их советской заряженности (одно дело, скажем, прямо идеологизируемые *интер-*, *ком-*, *полит-*, *пролет-*, *раб(оч)-*, *сов-* и другое вроде бы *кон(ный)*, *ком(итет)*, *сель(ский)*, *фаб(ричный)*, *зав(одской)*, такой прямой отнесенности не имеющие), с точки зрения смысла действительных отношений различие это малосущественно. Поскольку *кон(ный)* не просто *конный*, имеющий отношение к лошадям, а Конной Армии, гражданской войны, героический, командармов, тот, который вытянул, выигрывал битвы, способствовал установлению советской

власти, имеющий ведущее значение для победы и ведения войны в тот период, а *ком(итет)* устойчиво связывается с советской властью, ее строительством и партийно-советскими организациями, *сель(ский)* – не просто *сельский*, а нового, советского села, где советское крестьянство, колхозы, совхозы, колхозный строй, фронт работ, хлеб, жатва, уборка, зерновые, приложение сил, обеспечение города сельхозпродуктами, где вечно нужны трудовые руки, а потому это крайне важное с точки зрения советской власти звено участия, заботы, (воз)действия по причине постоянных на селе нехваток и недостатка. Соответственным образом также *фаб(ричный)* и *зав(одской)* становятся носителями идеологизированных значений, связываемых с пролетариатом, рабочим классом как ведущим и передовым, сознательным строителем социалистического общества, воспитанием нового человека труда и трудом, с идеей индустриализации, ставкой на развитие промышленных отраслей, пятилетками, трудовыми буднями-подвигами, рабочими достижениями, соцсоревнованием и т.п.

Особо следовало бы как образования рассмотреть слова *женотделка* и *жилтоварищ*. Если первое можно было бы рассматривать как суффиксальное образование от *женотделец*, с заменой суффикса (*женотдел – женотдел(ец) – женотдел(к)а* по типу *комсомол → комсомолец → комсомолка*), чего, впрочем, сделать с полным основанием невозможно в силу специфики женского отдела, а потому образование *женотделка* логичнее было бы относить к образованиям через ступень [о чересступенчатом словообразовании см.: Валгина 2003: 144] (*женотдел → ... → женотделка*), то второе, *жилтоварищ*, только внешне выглядит как аббревиатура. Логичнее его представить следствием усечения аббревиатуры *жилтоварищество* с мотивацией (вторичной, подкрепляющей) имеющегося, советски отмеченного, *товарищ*, поскольку в слове *товарищество*, а также *жилтоварищество* такой отмеченности нет. В пользу такого направления мотивации (*жилтоварищ / ество → жилтоварищ*, хотя без элемента *жил-* будет *товарищ → товарищество*, но в этом последнем случае *товарищ* используется в другом значении – ‘содельщик, пайщик, соартельщик, компаньон’) говорит и то, что, если слово *жилтоварищество* нейтрально, то *жилтоварищ* окрашено стилистически (разг.-ирон., насмешл.) и в семантическом отношении по сравнению с *товариществом* смещено. *Жилтоварищи* – это не просто члены жилищного товарищества как объединения жильцов, это советское явление, глухое и опасное объединение самоуверенных, неприязнительных, необразованных и бесцеремонно-грубых *товарищей* – хозяев жизни, дома и всех его обитателей.

Еще одну группу образуют слова, советизированность которых следует из типичности,

активности модели словообразования, характерной для языка советского времени того или иного периода, сочетающейся с а) ощущаемым в слове, его внутренней форме и мотивации, отображением концепции человека – характерным для советизированного сознания отношением к нему, следующим из вырабатываемого в условиях и на основе экзистенциально-идеологического опыта представления о нем, либо с б) идеологической и пропагандистской отмеченностью производящих основ соответствующих словосочетаний и слов, от которых было образовано данное слово. Примером случая (а) может послужить образование *койко-больной* (проф. 'единица счета больных в стационаре медучреждения' [ТСЯС]), полученное сложением по типу *человекодень, человекочас, трудодень*, а также *койко-день, койко-место* и заключающее в себе советизированно отмеченное представление о человеке как о месте и единице, привязываемой к месту, связываемой с местом. Примерами (б) – *конноармеец, конногвардеец, красноармеец, красногвардеец, краснопутиловец, краснофлотец*, полученные суффиксально-сложным либо сложным (*краснопутиловец*) способом из соответствующих идеологически отмеченных словосочетаний *Конная Армия (Гвардия), Красная Армия (Гвардия), Красный путиловец, Красный флот*.

Третья группа представлена суффиксальными образованиями *правленец, управленец, низовик* (первые два в знач. 'член правления, управления', а не 'работник сферы управления как отрасли', поскольку в этом другом значении слова следовало бы относить не к рассматриваемому параметру принадлежности). Советизированность их следует как из активизации словообразовательных моделей, в языке советского времени широко употребительных (*лишениец, пораженец, просвещенец, назначенец / плановик, передовик, фронтовик*), хотя и не специальным образом (ср.: *ополченец, переселенец, примиренец, приспособленец / ломовик, домовик, лесовик*), так и, что более значимо, из активизированной типичности мотивирующих явлений – сопровождаемых особым отношением и смыслом всякого рода советских командно-административных образований и форм.

И, наконец, последнюю, четвертую группу представляют слова, образование которых (*активист*) либо семантика (*боец стройотряда, красный, партийный, штабист*), либо употребление (*гражданин, каждый, квартирант, кухарка, кухаркины дети, подписчик, подпольщик, пролетарий, рабочий, советский, социалист, сочувствующий, товарищ, член*) связывается со сдвигами идеологизирующего характера, являющимися следствием новых явлений в действительности либо совершенно иного, типично советского, отношения к ним.

Для иллюстрации сказанного покажем это на ряде примеров. *Активист*, 'член актива ка-

кой-л. организации' в интересующем нас отношении, а не просто 'ее активный и деятельный представитель; общественник' возникает в советское время на базе меняющегося значения слова *актив*. (Что показательно, это первое, и только его, 'член актива', дает ТСУ. В свою очередь МАС, БТС, РСС его не содержат, давая только второе. В «Новом словаре» Т.Ф. Ефремовой то первое приводится через точку с запятой после второго. Из чего можно сделать два вывода – о порядке по времени появления: 'член актива организации' → 'активный ее представитель' → 'общественник' и о дальнейшем вытеснении, замещении первого вторым, вследствие которого это первое может не осознаваться носителями как самостоятельное, не выделяясь из второго и третьего или даже не воспринимаясь как таковое). *Актив* в советское время, на что указывают пометы в ТСУ (полит. нов.), развивает значение 'наиболее передовая, политически закаленная и деятельная часть членов партийной или другой общественной организации', даваемое в этом и последующих словарях как первое, т.е. ведущее и основное (ср. у Даля единственное: *Активъ купца или банка* 'именье, наличность', оттесняемое в советское время на вторую позицию). Тем самым, интересующее нас слово в его первичном значении (*активист* 'член актива') возникает как суффиксальное образование на основе регулярной модели (суф. *-ист*) от значения слова *актив*, появившегося и ставшего основным в советское время.

Слова *боец (стройотряда)*, в знач. 'член отряда, группы, организованной для выполнения определенной работы, какого-л. задания' [ТСЯС]), *красный*, в знач. 'представитель восставших революционных масс, сторонник советской власти', *партийный* ('член коммунистической партии'), *штабист* ('член комсомольского штаба ударной комсомольской бригады, стройки' [ТСЯС]) советизированными делает их семантика, являющаяся следствием возникновения соответствующего значения у слов, существовавших и существующих в русском языке также и в других своих, не советизированных, хотя бы и оттесненных (для *красный, партийный*), значениях.

Не простым и не однозначным может поэтому выглядеть их отличие от другой группы слов, советизированность которых смещается все же, скорее, в сторону не столько семантики, сколько употребления (смещенность семантики следует из него). Но не окказионального и(ли) каким-либо образом ограниченного, скажем, профессией или средой, а общего речевого употребления, т.е. узуального и типичного. Основное отличие слов этой третьей подгруппы от предыдущей, как представляется, заключается в том, что отмеченность их возникает как следствие не столько знания соответствующих советских реалий (надо знать, что такое штаб комсомольской стройки, что такое советская

власть и компартия для советской действительности, какие бывают работы, задания для молодых и т.п.), сколько втянутости в аранжированный, заряженный, коннотирующий контекст. *Гражданин* становится тем, о чем речь, т.е. членом советского общества, частью советского организма и представителем коллектива, когда он воспринимается или тянет за собой такие комбинаторные вариации, как *гражданин страны Советов (Советского Союза), все как один гражданин, настоящий (советский) гражданин, каждый гражданин обязан знать (верить, участвовать, соблюдать, чувствовать, понимать), обязанности гражданина (гражданин), советский гражданин должен быть бдительным (показывать пример)* и т.п. С точки зрения значения, это то же, что и *гражданин* как таковой и вне указанных контекстов, т.е. 'лицо, принадлежащее к населению какого-л. государства, пользующееся всеми правами и исполняющее все обязанности, установленные законами государства' [ТСЯС]. В рассматриваемых употреблениях оно же, это слово, в неизменяемом и не смещаемом в целом значении, становится знаком, меткой особого назначения, роли, сопровождаемых целым шлейфом позитивно коннотируемых морализаторских, пропагандистских, воспитательных, эмоционально-чувственных и пр. компонентов, в том числе смысловых.

Таким же образом возможно представление слова *каждый*, усиливающего, подчеркивающего важность, ответственность, критичность, политическую или публицистическую остроту момента и обращения в контекстах типа *Это должен знать каждый! Знать всех и каждого. Обращаться к каждому. Каждый обязан обществу, в котором он живет (которое его воспитало)! Дойти до каждого! С мыслью о каждом. Всех и каждого (охватить, это касается). От каждого по способностям, каждому по труду (по потребностям). Каждый – обществу, обществу – каждому!* Как и *гражданин*, слово *каждый* предполагает подразумеваемым смыслом идею советского коллектива как целого, идею такого общественного устройства, которое предполагает сплоченность, единство цели, наличие общих ценностей, единый для всех несомнительный императив морали и поведения. *Каждый* из тех, кто связан особыми узами, понятным и признанным всеми общественным договором, распределенными и известными всем обязанностями, кто является членом и представителем создаваемого и созданного отчасти уже коллективного организма, заряженного и действующего в своем устремлении к общей цели (*opus finitum*).

Объективно тем самым выходит, что смысл представителя по параметру принадлежности предполагает своим объяснением отнесенность к характеру множества, объединения, коллектива, элементом и частью которого обозначает

мое лицо выступает. Как репрезентант, он получает свое объяснение в соположении, отнесении к репрезентируемому им коллективу. В определенном смысле это касается слов и других рассмотренных групп, точнее подгрупп, таких, как *боец (стройотряда), партийный, красный, штабист, управленец, низовик, красноармеец, красногвардеец, известинец, вхутемасовец, досаафовец* и др., но там выразительная структура либо семантика слова своей устойчивостью для языкового сознания не предполагали необходимость контекстно-репрезентантного определения-погружения как основного. Для слов, назовем так условно, контекстного ряда, советизированный их смысл для параметра принадлежности, следуя из употребления и воплощаясь в нем, не в структуре и не в семантике, осознаваемой носителями вне речевого использования, для этого ряда слов контекст, о котором шла речь, оборачивается фактически представлением о понимании характера того коллектива, которого называемый определяется как представитель, (при)надлежащая данному множеству элементная часть. Контекст, тем самым, становится для этих слов контекстом (как знанием) того или иного советского коллектива. Не обязательным должен быть, в результате, сопровождающий слово вербальный контекст, поскольку его имеет смысл понимать скорее как контекст окружения и погружения. Погружения, или вхождения в обстоятельства, знание соответствующего фрагмента действительности, элементом и объясняющей частью, ее оправданием, является соответствующий коллектив – советского государства, как организованно-дисциплинируемой и управляемой, направляемой массы трудящихся, трудящихся масс, в отношении *гражданин*; советского общества, как объединения сходным образом мыслящих, т.е. идейно, морально, ценностно и устремленно заряженных и ориентированных индивидов, для *каждый* и пр.

Квартирант, соответственно, в контексте сказанного предстает и должен восприниматься не как тот, точнее не столько как тот, кто снимает где-то и(ли) у кого-то квартиру, и даже не просто как 'жилец коммунальной квартиры' [ТСЯС], а как представитель, часть коллектива таких же, как он, хоть других (как следствие их коммунальности), элемент и явление коммунально-общественного существования и нового (а потом и не нового) советского коллективного бытия [ср.: Утехин 2004]. То есть как репрезентант коллективно-советского быта или, что то же, но как бы с другой стороны, бытового советского коллектива. *Кухарка* таким же образом и *кухаркины дети* не просто как те, кто приходят после 1917 года на смену прежним чиновникам и государственной власти, а как представители нового социального слоя, захватившего или, в зависимости от знания и убеждения го-

ворящего, именем и под предлогом которого (здесь идея знака и символа) большевиками была захвачена власть. *Кухарка, кухаркины дети*, тем самым, воспринимаются как представители первоначально, а также и с определенных позиций, не значащего и не подготовленного, а потому управляемого и направляемого тем, кому надо, социального большинства, способного задавать тон, при условии внушения ему идеи его ведущей и определяющей роли, браться не за свое, но ответственное и серьезное в возможных последствиях дело, быть ударной силой и рупором, готовыми, если не всех и не всё, то очень многих и многое, в основном по незнанию и недоумию, в государстве и обществе смять, испортить и закричать. *Подписчик*, аналогичным образом, должен восприниматься как представитель советского общества адресатов партийно-советских журналов-газет, как тот, кто их выкупает, должен их выкупать, поддерживая и обеспечивая циркуляцию пропагандистского сектора, важное и обязательное звено партийного финансирования и государственной экономики, а также и потому ответственный, правильно ориентированный и сознательный член, объект и участник организованного общественного строительства. В связи с подобного рода словами может возникнуть вопрос относительно их возможности отнесения к лексике советского позитива, имеющий отношение, как представляется, не только к диахронической, т.е. исторической, или идеологической, но и узуальной проекции. Изначальная либо приписываемая их позитивность со временем или в связи с позицией говорящего могла и может меняться на ироническую, неприязненную и осуждающую как проявление неприятия, неодобрения, недовольства. Эпатирующий характер номинатива, за которым легко угадывается ведущий лозунг устанавливающей себя новой власти *кто был ничем, тот станет всем*, проявляя себя в представлении «даже те, о ком принято было думать с точки зрения их социального положения и подготовленности, и те способны и могут, поскольку каждый, любой представитель низов, в том числе и меньше других, с позиции прежнего отношения и восприятия отживающих, эксплуататорских, классов, к тому приспособленный, должны, в состоянии теперь, после захвата большевиками власти, управлять государством», – этот смысл формирует идею, которая, будучи в силу своей полемичности, сгущенной и двойственной, легко оборачивает себя двумя полюсами. Для наших целей достаточным было бы представление о любом, в том числе и едва ли не в первую очередь, самом не подходящем для этого представителе социальных низов как потенциальном участнике в осуществлении власти, которое (представление) призвано перевернуть в сознании, языковом и общественном, прежнее воображение о должном, возможном и правильном.

Помимо значимости характера репрезентируемого лицом коллектива в интересующем нас отношении важным следовало бы также считать некий векторный (он же, видимо, и валентностный) смысл, заключенный в обозначении. Смысл этот можно было бы воспринимать как валентностно-векторный в том отношении, что он исходит от некоего когнитивно-оценочного представления как центра, одновременно с этим и возвращаясь к нему. Проекция этих смыслов, расходясь, определяют ориентируемую к советской действительности семантику словоупотреблений (чтобы не говорить семантику слов), ощущаемую, чувствуемую, понимаемую, хотя не всегда до конца рефлекслируемую и осознаваемую в ее характерности и присутствии как дополнение, примесь в сплаве лексического значения. Сходясь, они же, эти проекции, формируют, складываясь в пучок, этот самый, полученный, получаемый из отрезков, осколков, из себя излучаемый когнитивно-оценочный центр. Метафорически это можно представить как шар, обклеиваемый осколками зеркала, вбирающий, принимающий на себя, на эти осколки, затем отбиваемый, отражаемый, так же и в тех же осколках, свет, не целым падающим на него лучом, а разбрызгиваемыми по сторонам пучками, так что и падающий откуда-то луч (лучи) представляется сыплющимися световыми кусками.

Для слова *подпольщик*, тем самым, таким световым пучком, отражаемым и вбираемым вектором, предполагая в значении употребления представление о соответствующей организации, активно действующей и сбитой конспиративно в кулак, был бы смысл и коннотация отваги, неподдаваемости, неустрашимой решительности, готовности идти до конца во имя общей революционной, затем советской, как ее продолжение, а потому благородной и светлой, идеи. *Пролетария* можно было бы в интересующем нас отношении, соответственно, воспринимать как представителя класса, наделяемого признаками решительности и твердости, готовности последовательно и активно бороться за светлое будущее всех угнетенных, как сознательного и бескомпромиссного, надежного и передового, в его историческом назначении и классово обусловленной психологии, строителя социализма, опору и авангард советского общества. *Рабочего* – как того, кто в силу специфики фабрично-заводского производительного труда, а также своей принадлежности классу, знает себе цену, твердо стоит на ногах, является носителем здравого смысла и верной оценки, наиболее крепкий, устойчивый и надежный в социальном и психологическом отношении представитель советского общества, строитель социализма, воплощаемая в человеческом материале идея начатков создаваемого будущего. Слово *советский* в интересующем нас повороте следовало бы определять и рассматривать как обозначение представителя и сторонника

установившейся после октября 1917 года власти и проводящегося ею в жизнь государственного и общественного устройства, идейно, политически, социально и психологически детерминированного в отношении чувства уверенности в своем исключительном праве в связи с этим иметь, устанавливать и решать, хозяина нового строя и положения. Данное представление является следствием последовательного развития семантики слова *советский*. У В.И. Даля слово это, имеющееся в его словаре, трактуется только как 'к совету, как учреждению, относящийся' (*Государственный совет. Совет министров. Советские члены*). Значения в ТСУ и последующих словарях – 'имеющий отношение, связанный с организацией власти Советов и общества' (1), 'находящийся, происходящий в СССР, свойственный стране советов' (2), (а также 'людям Страны Советов' в МАС), 'соответствующий мировоззрению и задачам рабочего класса, преданный советской власти' (3), 'связанный с деятельностью в советах как органов управления' (4) и т.п. – представляют собой развитие семантики слов *совет(ы)*, *советский*, имевшихся также и ранее, в последовавшее за 1917 г. время. *Советский* – как представитель, принадлежащий и наделенный особыми признаками по сравнению с другими, теми, кого так назвать нельзя, этот смысл следовало бы, по-видимому, определять не как значение, а как употребление, складывающееся на базе выделяемых ТСУ четырех взаимосвязанных семантических проявлений и расширяющееся, сопровождаемое, дополняемое соответствующими концептуальными и коннотативными уточнениями. Различного рода другие грани и проявления слова *советский*, неизбежно активного и разнообразного в словоупотреблениях, также можно было бы трактовать не столько в словарно-языковом, сколько в устно-речевом отношении, поскольку семантика их неизбежно предполагает окрашивающий и вписывающий контекст и позицию говорящего [Ср. также рассуждения о семантике слова *советский* в связи с понятием советизма: Купина 2009: 35-36]. Хотя, возможно, вопрос этот стоило бы решать исторически, поскольку меняющиеся и развивающиеся грани его семантики, заметные из сопоставления словарных материалов ТСУ и МАС, не говоря уже о других словарях, несомненно, предполагают проекции времени.

В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина в своем словаре (ТСЯС) 4-м пунктом, в *знач. суш.*, для *советский* дают 'представитель власти, партийный, советский работник', приводя пример из М. Зощенко *Старые счеты у попа с советскими*. *Очень уж много обид и притеснений*. Описываемое нами значение употребления тяготеет к данному, представляя собой его продолжение и развитие. Пример из Зощенко предполагает а) отнесенность ко времени периода ус-

тановления советской власти (20-30-е годы), т.е. в известном смысле является семантическим архаизмом; б) позицию говорящего – того, кто советским себя не считает, равно как и ими, *советскими*, не принимается за своего. Нечто подобное можно увидеть и в анализируемом случае – 'уверенный в своем социальном и историческом праве иметь и решать, преисполненный чувства своей такой отличительности' (хорошо это или плохо – вопрос иного порядка). Данное представление есть не что иное, как внутренняя и себя развернувшая, осознавшая и социально осознанная, выставившая на передний план, сторона того, кто имеет особое отношение к власти и с властью, чувствует себя с нею, является ее представителем. Не только (что было скорее в начале) и, может быть, даже не столько как руководитель-функционер, сколько как идейный, общественный и политический соучастник, сторонник и порождение, преданный, ею воспитанный и соответствующим образом подготовленный. При этом позиция говорящего, окрашивающая употребление слова, может быть как включающей (*Мы все здесь советские. Я советский. Насквозь советский. Советский в хорошем смысле.*), так и исключающей (*Чего с него взять, с советского. Советские, они все такие. Я не советский. Отец мой совсем советский. Здесь, я вижу, одни советские собрались.*). А то и другое предполагать равным образом позитивные – гордость, поощрение, одобрение, похвалу, негативные – неодобрение, неприятие, осуждение, пренебрежение, иронические – горестные, насмешливые и констатирующие оттенки, имеющего место, состоявшегося, произошедшего исторически и потому неизбежного факта.

Социалист, рассматриваемый и определяемый, тем самым, в интересующем нас ключе как принадлежащий, т.е. представитель течения, направления, учения, стремящегося к построению общества на соответствующих началах, предполагает приписываемыми ему в языке советской действительности проявлениями признаки, связываемые с убежденностью в необходимости упразднения частной собственности как источника эксплуатации, несправедливости и неравенства между людьми. Революционный, решительный, бескомпромиссный характер действительного, близкого духу советского (т.е. реализовавшего себя в государственной власти и потому направляющего общественные оценки, добившегося своего) большевизма, этот характер чистого, не испорченного *социалиста*, последовательно противопоставляясь буржуазному, от запятанной себя социал-демократии, предполагает в определенном смысле тождество *большевику*. Одно не отрицает и даже предполагает другое, с тем отличием, может быть, что понятие *большевик* включает *социалиста*. *Большевик* должен быть *социалистом* по мировоззрению,

в то время как *социалист*, действительный, чистый, *социалист* признаваемый, организационно не *большевик*, но одобряет и признает правильность действий и методов, поддерживает, а потому также способствует и используется партией более воинствующих, решительных и потому в авангарде стоящих большевиков. *Социалистом*, следовательно, в этом контексте, может и должен считаться тот, кто стремится к цели, общей у него с большевизмом, не останавливаясь перед насилием по отношению к представителям угнетающих классов, равно как и всяких других, препятствующих и на пути стоящих (диктатура пролетариата в лице большевистской партии и ее руководства), перед возможными жертвами как неизбежно из этого следующими: *Лес рубят – щепки летят* и *Не разбив яиц, не приготовишь омлета*. Тем самым, *социалист* наделяется признаком непримиримости, беспощадности, классовой нетерпимости в оценке людей и жизненных обстоятельств. *Социалиста* в каждом из представителей советского общества, таким образом, следует воспитать. Каждый *советский* должен быть *социалистом*, ибо этот последний и есть, по своим убеждениям, тот, кто способен в необходимом и заданном направлении действовать, кто готов одобрить, признать целесообразность и правильность, социальную, политическую, историческую, стратегических и тактических мер, приемов, кампаний и мероприятий коммунистической партии большевиков. В известном смысле, тем самым, *социалист* при таком понимании есть желательный получаемый продукт, орудие достижения цели, опора и человеческий материальный ресурс в отношении как прокламируемых, так и достигаемых целей субъектов власти, а с этим всем и заявляемого ими *opus finitum*.

Сочувствующего в этом ряду можно определять и рассматривать как того, кто, в целом поддерживая, но не являясь для партии власти своим, характеризуется неготовностью принимать и поддерживать всех ее целей и действий безоговорочно и до конца. На *сочувствующего* невозможно рассчитывать, но можно и нужно использовать его психологический, социальный, моральный и творческий потенциал, стараясь, где надо, нейтрализовать возможные в нем колебания, неприятие и неодобрения, особенно их общественный резонанс, манипулируя, изолируя и перетолковывая одно и другое. Признаками *сочувствующего* в рассматриваемом ключе, таким образом, становятся следствия его промежуточной принадлежности к не пролетарской и беспартийной массе стоящих рядом, пассивных, не противоречащих, не врагов, но и не тех, на кого можно и следует положиться, определяемые как нерешительность, колебания, неактивность, при внутреннем согласии и признании, связываемые с необходимостью приложения дополнительных манипу-

лятивных усилий и ограниченными возможностями общественного использования применительно к политическим целям.

Товарищ и *член* (но какой-то сугубо советской организации, объединения, группы – профсоюза, компартии, комсомола, ячейки, актива, кооператива и пр.), применительно к рассматриваемому параметру принадлежности, акцентируют в себе в первую очередь признаки полноты отнесения, бессомнительности вхождения, тождества с коллективом. Эмоционально заряженного единения-тождества в первом случае (для *товарищ*), из чего следует его собственный побуждающий к этому, зова, призывания, убежденности, императив, либо подчеркнуто констатирующего (для *член*), из чего, в свою очередь, следуют сознательность и ответственность для него как следствия его собственного и добровольного выбора. *Товарищ* при этом воспринимается и должен быть объяснен как советский и свой, организменный, свойственный, принадлежащий всему, что советское, в его общественном целом и по отдельностям – структурным, организационным, различных объединений и групп. *Член* – как относящийся, принадлежащий данному (обществу, организации, коллективу, группе), связанный с ним, его составная и составляющая, а потому обязательно неразрывная, необходимая часть.

Отношения между семантикой отдельных номинативов, по-разному в разных контекстах и употреблениях, в том числе обусловленных временем и коммуникативной задачей, представляемых, и семантикой выводимых, отчасти на их основе, параметров парадигмосистемы могут быть не прямыми и не однозначными. Характер подобного отношения в определенном, хотя бы и не случайном смысле, представляет следствие выбора, отображающего реализующуюся возможность, которая при ином повороте и соположении может быть также другой. Положенная в основу парадигматического описания, выстроившаяся в результате анализа пятивалентность сопологаемых признаков, нередко выборочно реализуемых и дифференцируемых по уровням, также неполным и не обязательным в реализациях, вместе с тем предполагает необходимость соотнесения выводимых семантических признаков между собой. Соотнесения, представляющегося следствием выявления закономерности, действующей как продуцирующий и ощущаемый при восприятии механизм устройства семантики изучаемого целого – кодовой парадигмосистемы языка советской действительности.

В связи со сказанным хотелось бы в последующем за этим фрагменте предприняемого описания рассмотреть проявление в указанных семантических признаках параметра принадлежности, на данном этапе пока что вне возможного и предполагаемого соотнесения их с представленной перед этим семантикой слов. Определение этих признаков следовало бы по-

этому воспринимать как поиск динамизирующего начала, пускающего в движение и ход механизмы производства и восприятия смыслов, которые, акцентируясь, сочетаясь и оборачиваясь, способны входить, насыщая собой, в семантику явных и скрытых оттенков, сторон и проекций оценочно-когнитивных номинативов – слов языка советской действительности. Соотнесение этих валентностно соотносимых признаков когнитивного целого с узуальной семантикой (какой-то одной из возможных во временном и интенциональном пределе) советизированных слов, как поиск еще одного допустимого поэтому видится необходимым и неизбежным рассматривать как отдельную и самостоятельную задачу, не напрямую связанную с одним и другим в силу возможных различных причин и следствий такого взаимодействия.

Для начала попробуем подойти к проблеме парадигматического описания рассматриваемого параметра принадлежности с точки зрения представительства – отношения называемого словом лица к тому коллективу, частью которого он выступает и, так или иначе, себя в нем как эта часть обнаруживает. Иными словами, стоило бы обратить внимание на характер того коллектива, той группы, объединения или множества, который (характер), будучи разным для разных входящих в него составов и лиц, различие это свое обнаруживает как а) парадигматическое и потому валентностно соотносимое с другими того же ряда по основанию, выбранному как пятивалентное и описываемое последовательно для данной системы; б) типологическое и потому способное служить объяснением для входящих в него единиц в их отличиях и соотношениях с другими того же общего ряда и, тем самым, предполагаемое, ожидаемое и неслучайное, и, наконец, в) обусловленное советской ментальной действительностью, связываемой с характерными и типичными для нее проявлениями и признаками. Собственно говоря, этим третьим (в) и должно объясняться два предыдущих и все остальное в каких-то следствиях, хотя, возможно, не явно и не так прямо, поскольку речь идет о внутреннем, не всегда осознаваемом и не поверхностном уровне, объясняющем и регулирующем действия и проявления ментальной картины, а с нею вербальной семантики изучаемых слов.

Прежде всего имело бы смысл обратиться к понятию коллектива в интересующем нас отношении, с тем чтобы уточнить его вероятно себя проявляющий для всего дальнейшего вид. Вполне понятно, что коллектив, определяемый, скажем, словом *актив* или *штаб*, *стройотряд*, и объединение лиц в понятии и представлении слова (сочетания слов) *РАПП* или *Красный Флот*, *компартия*, либо, скажем, все те, кого относят к таким категориям, как *советские писатели*, *кухарки*, *сочувствующие*, *подписчики* или обозначаемые как *члены*, *товарищи* (лю-

бые потенциально возможные советские члены и товарищи = граждане) – все эти группы и виды объединения лиц в организационном, точнее было бы говорить, организуемом своем отношении не одинаковы.

Затронутая проблема номинативной дифференциации, влияющая на характер как понятийного, так и затем лексического и грамматического оформления и представления смыслов и слов, восходит к тому, что в лингвистике принято изучать и рассматривать в приложении к категории и типологии множеств в их отношении к семантике категории числа. Поскольку, однако, не этот аспект проблемы нас будет интересовать, возможную по этому отношению типологию множеств (с представлением человеческих множеств, или объединений, также и в том числе) оставим здесь без внимания, отослав читателей к специально посвященной этим вопросам работе [Ляшевская 2004], с подробным анализом и литературой рассматриваемых ею проблем. Необходимым, однако, для интересующего нас подхода представляется, от чего также хотелось бы оттолкнуться в дальнейшем, различие, последовательно используемое О.Н. Ляшевской, дискретных и недискретных множеств, или (последних) совокупностей. Множества она определяет в отношении к функции, объединяющей членов состава: *артель* (ср. *рабочие*), *делегация* (ср. *делегаты*), *библиотека* (ср. *книги*), *пачка* (ср. *листы бумаги*). И добавляет к этому предполагаемые признаки единства места и обозримого количества элементов, оговаривая, что «Число элементов а priori не фиксировано, но каждое понятие включает представление о примерном числе элементов (в норме)». [Ляшевская 2004: 161] Важным показателем для представления множества является также время: «В ряде случаев появление элементов разнесено во времени, и одновременно сосуществование элементов невозможно, однако принцип единства места сохраняется (например, *сериал* – множество серий, демонстрируемых по телевизору через определенные интервалы времени...») [там же: 162]

В отличие от множеств, совокупности представляют собой понятия иной природы. Это объединения, основывающиеся, по ее определению, не на естественных группировках элементов, а на «категориальном членении воспринимаемого человеком мира». Имена совокупностей не предполагают связи единством места и времени. «Совокупности – это классы, задаваемые определенным набором признаков. Такой класс не содержит конечное число элементов, но про каждую единицу можно сказать, относится она к данному классу или нет. Отнесение нескольких предметов к совокупности означает наличие у них общих признаков» [Ляшевская 2004: 162]

Опираясь на представленную в связи с различием множеств и совокупностей логику,

попытаемся типологически подойти к интересующему нас объекту – коллективам (или объединениям, классам, или чему-то еще, поскольку не все, что имеется как их включающее, можно было бы как-то так называть) тех представителей, которые получают обозначение, определяемое нами как принадлежность внутри изучаемой парадигмосистемы. Это типологическое распределение позволит на следующем шаге более точно определить их позиции, место в системе устройства параметра и отношения друг к другу. Основу деления должны составлять дифференцирующие наборы семантических признаков, воспринимаемые как такие, которые связаны с представлениями о естественных группировках элементов (множества) либо с понятиями, отражающими представление о категориальном членении воспринимаемого человеком мира (совокупности).

В основе рассматриваемого деления лежала бы в качестве первого противопоставления оппозиция такого способа представления лиц в отношении к их параметру принадлежности, которое можно было бы представить идеей собранного, объединяемого, собирания или собрания, назовем это словом *массивы* (*massiva*), другому способу, полагаемому не то чтобы противоположной, но все же иной по характеру своего воплощения идеи, которую можно увидеть не в собирании, а в распылении, рассеянии, рассыпании, расхождении, назовем их *дисперсности*, или *дисперсивы* (*dispersiva*). Массивы затем, в свою очередь, можно было бы разделить на *объединения* и *приобщенности* (*приобщения*), а дисперсивы – на *дескриптивы*, или приписываемости (приписанности), и *отнесенности* (отнесения).

Если идею массива дает представление об организуемом множестве представителей, объединяемом по общему основанию и ограничиваемому как внешнее (объединения) либо не ограничиваемому как внутреннее, кумулятивное и приписываемое им свойство-ориентир (приобщения), то идею дисперсностей – знаковый, отличающий, отграничивающий, отделяющий от других (дескриптивы), и потому так же, как и для объединения, внешний характер признака либо, напротив, относящийся к единому общему, и потому приобщающий, также отчасти кумулятивный и внутренний, признак не организуемого, не ограничиваемого, а потому и не множества и в общем-то и не совсем совокупности, поскольку скорее рассыпанности, но какого-то отнесения (отнесенности).

Попробуем эту сложную, может быть, без иллюстрации мысль дать несколько более обстоятельно и на примерах. Первый ряд из представленных четырех мог бы быть составлен из номинативов, объединяемых по признаку обозначения 'тот, кто входит в объединение', является его репрезентантом, и это объединение представляет собой ограниченный и легко осознаваемый в числе своего состава органи-

зованный коллектив. То есть, по определению словарей (и здесь мы подходим к понятию коллектива), 'совокупности людей' (однако не в строгом значении этого слова, поскольку скорее множества, если исходить из рассуждений об их отличии; МАС, избегая понятия совокупности, дает 'группа лиц'), 'объединенных общей работой, общими интересами' [СИС] (в МАС 'общей деятельностью, общими интересами'). То есть выполнением общей функции и объединенных местом и временем, по крайней мере воображаемыми (если исходить из того, что сказано по этому поводу у О.Н. Ляшевской). К ряду подобных и, забегая вперед, можно сказать, что коллективы в рассмотренном смысле через своих представителей оказались отображены именно в этом первом ряду, следовало бы отнести из отобранных нами слов для параметра принадлежности *вхутемасовец, довженковец, правдист, известинец, комфут, кировец, краснопутиловец, напостовец, пролеткультовец, рапповец, тассовец, конармеец* (боец Конной Армии Буденного), *конноармеец, жактовец, женотделка, житловарищ, политотделец, политотдельщик, правленец, рабочкомец, сельсоветчик, управленец, штабист, активист* (член актива), *фабзавкомовец, фабкомовец* (если иметь в виду, начиная от *жактовец*, членов соответствующих объединений, коллективов, а не работников какой-то отрасли).

Номинативы второго ряда, по признаку приобщения, объединяют в качестве обозначаемых тех, кто, может быть и объединяемые общей деятельностью и интересами, в строгом смысле не составляют ограниченной местом и временем организованной группы. Точнее было бы это определить в отношении отображаемой в значении слова ориентированности, заряженности неким свойством, следующим из отношения обозначаемого словом лица к некоему массиву (не обязательно представляемого числом) ему подобных и так определяемых лиц. Называемый в этом случае проявляет себя не как 'тот, кто входит' в объединение, а как 'тот, кто носитель' и воплощение объединяющих некую массу подобных ему представителей свойств. К словам подобного ряда можно было бы отнести из отобранных для параметра принадлежности *красный, партийный* (в том числе также и тот, кто не обязательно является членом партии, но выступает носителем ее свойств, проводником и последователем ее целей, идей), *пролетарий* (как один из таких же, как он, пролетариев, носитель и воплотитель, заряженный кумулятив приобщенности массе, к которой принадлежит, а не просто определитель его социального положения в отличие от других, т.е. не пролетариев, что делало бы его дескриптивом дисперсности), *пролетписатель, рабочий, социалист, сочувствующий, активист* (как политически активный), *штабист* (как носитель соответствующих признаков, ср. *типичный шта-*

бист), управленец (обыкновенный управленец).

Третий ряд можно было бы определить по признаку 'один из числа таких же', как он, причем такое его определение не предполагает закрытости ряда, организованности, ограничения местом и временем (что может быть следствием речевого контекста, но не лексического значения). В отличие от признаков двух предыдущих рядов обозначаемый соответствующим словом не выступает носителем свойств своей массы, скорее свойств своего положения. Масса таких же, как он, собственно говоря, и не мыслится как некий массив или масса, скорее, наоборот, как рассыпанное, дисперсное проявление во времени и в местах неких свойств занимаемого такими, как он, положения, воплощением которого, как позиционного проявления и явления (и, соответственно, представителем, одним из таких же, как он), обозначаемый выступает. Из отобранных для параметра принадлежности к этому ряду можно было бы отнести слова *гражданин, каждый, квартирант, койко-больной, подписчик, подпольщик* (как тот, кто занимается подпольной деятельностью), *советский* (как представитель власти), *совписатель, кухарка, кухаркины дети, низовик*,

И, наконец, четвертый ряд представляет лицо в отношении 'тот, кто выступает, обнаруживает себя, проявляет, наряду с другими и равный другим таким же', будучи выделен, взят, обозначен как обособленный и отдельный (дисперсный поэтому) представитель, возможно некоей массы или объединения, коллектива, множества и совокупности: *товарищ* (как свой, представитель советского общества в целом либо какой-то организованной части его, партии, организации, коллектива, близкий по духу, позиции, месту и равный другим), *член* (какой-либо советской организации, объединения, коллектива). Сюда же можно было бы отнести слова *гражданин* и *каждый*, если иметь в виду для них представление типа *Высокое звание (советского) гражданина обязывает* или *Каждый (в Советской стране) способен на подвиг; Это близко сердцу каждого* и т.п.

Необходимым видится выделение еще одной разновидности взятых вне употребления номинативов, объединяющих оба противоположаемых показателя, массива и дисперсности, своего рода дисперсно представляемых массивов, т.е. таких, которые предполагают в обозначаемом проявление признака отнесенности к массе, распыленной, рассыпанной в объединениях как своих репрезентативах. Масса, объединение мыслится как существующая в виде дисперсных, распыленных, разделенных объединений (коллектив коллективов, организация, массивы, группы групп). На этом основывалось бы отличие, скажем, таких не рассыпанных (мыслимых как единое) объединений, как ВХУ-ТЕМАС, киностудия имени Довженко, ТАСС,

редакция газеты «Известия» и, соответственно, *вхутемасовец, довженковец, тассовец, известинец*, как их представителей, от объединений типа Красная Армия, отряды чрезвычайного назначения, стройотряды, интербригады, Конная гвардия, Красный флот, предполагающих проявления чего-то единого во множественном и реально не одном. К этому пятому ряду можно было бы тогда отнести номинативные единицы *чоновец, боец стройотряда, красноармеец, красногвардеец, интербригадовец, конногвардеец, краснофлотец, жактовец, женотделка, политотделец, политотдельщик, правленец, рабочкомец, сельсоветчик* (если иметь в виду, начиная от *жактовец*, работников соответствующих отраслей), *активист, управленец, штабист* (как представители соответствующего общественного звена), *досаафовец, осводовец, осовавиахимовец*.

Проявившие себя в рассмотренных соотношениях отличия совокупности и множества; коллектива, массива и дисперсности; объединения, приобщения, приписанности и отнесенности, в употреблении для некоторых слов предполагающие возможность переходов, неполную или неясную реализованность, основываются, как представляется, на том, какой показатель выступает тем объединяющим признаком, на основе которого производится обозначение лица. На том, фактически, какого рода представления у носителей языка, знающих советскую действительность и ориентирующихся в ней (поскольку речь о ее словах), имеются о подразумеваемом в обозначении лица, стоящим за ним, скажем так, массиве (за неимением более подходящего общего определения для совокупности либо множества лиц). Одно дело, скажем, такое объединение, как завод имени Кирова или редакция газеты «Правда», представителем, членом которых является данное обозначаемое лицо (*кировец, правдист*), как организованного и ограниченного местом и временем коллектива. Другое дело *красноармеец* и *красногвардеец*, близкие первым в идее выразительно значимого, знакового можно даже сказать, представительства в отношении массы таких, как они (Красной Армии, Красной гвардии), при различии характера воображаемой массы, неограниченной и дисперсной, но все же организованного, массива. И третье, отличное от первых двух, представление о массе, стоящее за словами, можно заметить в таких единицах, как *красный, социалист, кухарка*. Представление, не сразу, не прямо и не обязательно возникающее, поскольку в данном случае на первое место выносятся семантика не то, чтобы представительства, сколько признака, отличающего данное лицо от других. Тем самым, *красные, социалисты, кухарки* в сознании советского говорящего воспринимаются не столько в объединяющем их массиве-числе, сколько как противоположаемые не крас-

ным, не социалистам и не кухаркам, т.е. так же, как формы единственного числа для отдельных лиц, хотя и то и другое не расчлененно. Стоящие все же за представлением все те, кто красные, социалисты или кухарки, не воспринимаются ни как дисперсности, собственно, ни как массивы, ни, тем более, как организованные объединения-коллективы лиц. Семантику объединяющего их признака можно было бы описать и представить как флукутирующе вычлениющую – разлитую в своем качающемся, неопределенном определении, выделяющем своих представителей из всего числа человеческих (советской действительности) лиц. И, наконец, совершенно иное соотношение с объединяющим большим следовало бы отметить для слов типа *гражданин, товарищ, каждый*, для которых значение представительства, равно как и воображение о массе-числе может, но не обязательно и не в первую очередь должно иметь сколько-нибудь ясно воспринимаемый характер. Такое соотношение можно было бы определить как значение наделяюще-выделяющего обособления-выбора из некоей не определяемой далее и не до конца представимой, а потому и не массы-числа, но скорее чего-то похожего на мыслимый в человекоподобии пространственно-временной проектив действительности, своего рода советизированный антропохроно-топ.

Параметр принадлежности, таким образом, содержит внутренне признаки организованного и не организованного, выделяющего, разлитого, приписывающего, отличающего, обособляющего и, напротив, присоединяющего отношения данного к большему – значимому и представляемому в обозначаемом, равно как и нет. Общие, универсальные свойства, накладываясь на свойства, следующие из опосредуемых языковым сознанием представлений советской действительности, объединяясь с ними, дают в своем результате то, что будет предметом определения в описываемой парадигмосистеме. Опуская возможные и не всегда однозначные связи указанных соотношений, различным образом к тому же объединяемых в признаках для разных единиц и их употреблений (рассмотрение этих связей, соотношений, признаков предполагало бы обращение отдельно к каждой из единиц в ее употреблениях, прежде чем вывести общее и типологическое), – опуская все это, вернемся к стоящей задаче – пятивалентному представлению проекций параметра применительно к советской его специфике.

Вид его, не без учета ранее сказанного, но без упорядочивания и разнесения всех составляющих по возможным местам, мог бы быть следующим:

1. Принадлежность большему, включающему в свой состав обозначенное лицо как своего представителя по признаку его вхождения, отношения к коллективу (т.е. ограниченному числом, по месту, времени и организованному

объединению, кругу лиц) – **вынесения** (особенный, специфический, исключительный, носитель особых, советски значимых, отмечаемых, либо советской действительностью вызванных к жизни свойств, – тем самым, точка исхода, выдвижения в рассматриваемой пятивалентной схеме): *вхутемасовец, довженковец, правдист, известинец, комфут, кировец, краснопутиловец, напостовец, пролеткультовец, рапповец, тассовец*.

2. Принадлежность большему по признаку общего обладания свойствами, характеризующими, советски ориентированными или востребуемыми, массива (т.е. не воспринимаемого как ограниченного временем, местом, числом, не обязательно также каким-то образом организуемого) – **наделенности** (тем самым, точка готовности, заряженности, ориентированности, направленности): *красный, партийный, пролетарий, пролетписатель, рабочий, советский* (как представитель власти), *совписатель, социалист, сочувствующий, кухарка, кухаркины дети, подпольщик* (но не как член какой-то подпольной организации, скажем, как в употреблениях типа *За этим стояла организованная группа подпольщиков. Это было сделано подпольщиками. Подпольщики действовали осторожно. Подпольщиков выдали гестапо. или Он был и остался (в своей душе) подпольщиком*, т.е. тем, кто, имея опыт и память деятельности в сплоченной, связанной опасностью и общими целями организации, привык мыслить, действовать и чувствовать соответствующим образом, сохранил в себе свойственные таким героям самоотверженность, решительность, порядочность по отношению к товарищам, умение выходить из сложных ситуаций, быть постоянно начеку, не выдавать своих намерений и т.п. В первом случае (член организации) подпольщика следовало бы отнести к первому ряду, как того, кто входит в некое объединение-коллектив, во втором – ко второму, как носителя свойств, объединяющих некую массу таких же представителей. Подобного рода расхождения, обуславливаемые контекстами употреблений, позволяют, с одной стороны, говорить об известного рода открытости лексических значений, их способности входить в соотносимые парадигматически (и валентностно) отношения смыслов, о проявленности (реализованности) и потенциальности для них какого-то ряда (рядов) семантических параметризаций (признаков). И о различии в характере устройства вербальной, лексической, комбинаторно-флукутирующей, и не вербальной – виртуальной, отражаемой в вербальной, моделируемой как концептуальная и дифференцируемая в параметрах, семантики, с другой.).

3. Принадлежность большему по признаку отнесенности организуемому массиву, представляемому дисперсно и не дисперсно, как отдельному коллективу (Конармия, стройотряд, отряд ЧОН, интербригада как отдельная группа

лиц), так и собранию, объединению коллективов (Красная Армия, отряды ЧОН, стройотряды) – **призвания**, задания, назначения (точка, позиция осуществления выхода, ударной направленной силы, реализации, претворения, овеществления революционных заданий социалистического строительства): *чоновец, боец стройотряда, красноармеец, красногвардеец, интербригадовец, конармеец, конноармеец, конногвардеец, краснофлотец.*

4. Принадлежность большому также по признаку отнесенности к коллективу или организуемому массиву, собранию коллективов, как в позиции 3, – **поддержки**, обеспечения, осуществления, реализации не прямо направленного, а сопровождающего, подхватывающего участия (позиция возвращения как сохранности осуществленного выхода): *досаафовец, осводовец, осоавиахимовец, фабзавкомовец, фабкомовец.*

5. Принадлежность большому по признаку представительной отнесенности к некоему воображаемому образованию (представляемому и нет) как к реальности советского общественного устройства, советского общества в целом, его структуре и ее составным частям, организациям, общему ряду – **охвата** (а потому как бы оформленного общественного советского результата, позиция 5): *гражданин, каждый, квартирант, койко-больной, подписчик, товарищ, член, жактовец, женотделка, жилтоварищ, низовик, политотделец, политотдельщик, правленец, рабочкомец, сельсоветчик, управленец, штабист, активист.*

Дальнейшее подразделение по группам внутри позиций выделось бы следующим:

1.1. Позиция исхода, активизации, выдвижения – заявляющие о себе, о своей отдельной такой особенности, осознающие ее в себе и воспринимаемые как таковые: *вхутемасовец, довженковец, правдист, известинец, комфут.*

Деление последующего уровня, представляющегося отражением последовательно ориентированных смыслов – 1) вызванные к жизни советской властью, социалистическими условиями и обществом (выдвинутые ими в своей особенности, позиция активизации выдвижения); 2) заряженные, ориентированные, подготовленные ею (подготовившие себя, заявившие об этом) в своем предполагаемом участии в общем деле революционных преобразований общества и социалистического строительства (позиция заряженности выдвижения); 3) реализующие в своей активно направляемой ими деятельности возложенные на них советским, социалистическим призыванием задания и цели (позиция поддержки выхода, направленной ударной силы – поддержка выдвижения); 4) обеспечивающие, сопровождающие, создающие необходимую защиту, расширение, опору в массах (позиция поддержки возвращения – обеспечение, сохранность реализуемого выдвижения); 5) результируемые в своей со-

веткости как получаемые в ее итоге (позиция результата выдвижения), – это возможное деление для рассматриваемых слов следует считать весьма условным. Об условности такого рода, впрочем, неоднократно говорилось как о следствии в различии семантики вербальной, языковой и речевой, от семантики когнитивных и концептуальных представлений (что не всегда одно и то же, если иметь в виду мыслительный и мировоззренческий аспекты отражения действительности, реализующей себя в сознании как действительность советская). Что, в результате, дает как минимум четыре различия – вербального языкового, вербального речевого, когнитивного и концептуального (не говоря о возможных других) – тем самым, условно, а в ряде случаев не допуская однозначно точного определения смысла.

Предлагаемое, таким образом, деление на 1.1.1. *вхутемасовец*; 1.1.2. *комфут*; 1.1.3. *правдист*; 1.1.4. *известинец*; 1.1.5. *довженковец* не следует рассматривать ни как единственное, ни как настаиваемое и вводимое, поскольку, если взять другим основание, деление может быть и другим. Демонстрация в позициях потребует только для того, чтобы на примере слов попробовать показать возможную специфику ориентированных отношений, порядков следования смыслов, для отдельного фрагмента заряженного соответствующими представлениями сознания.

Специфика эта видится как реализующая себя для выбранного расположения следующим образом. *Вхутемасовец* воспринимается в отношении к позиции (1) как тот, кто принадлежал к объединению, группе художников, вызванных к жизни новой эпохой, выдвинувших себя на волне произошедших общественных перемен, заявлявших о себе как о представителях принципиально иного, основываемого ими на социалистических началах искусства (1918-1926 гг.). *Комфут*, соответственно, с позиции заряженности выдвижения (2) – как принадлежащий к тому и такому идейно-художественному и общественному направлению, которое видело, находило себя в особом, преобразующем, мобилизующем, динамизирующем (идея заряда, заряженности) отношении к миру, искусству, что объявлялось ими как идейное усиление, коммунистическая ориентация футуризма. *Правдист* – как активно действующий на идеологическом фронте социалистических перемен, представитель ведущего, передового, проверенного редакционного коллектива партийно-советского руководства (поддержка осуществляемого им выдвижения – 3). *Известинец*, соответственно, как представитель своей газеты, выполнявшей сопровождающую по отношению к «Правде» роль, поддерживавшей производимые этой первой инициативы и идеологические усилия, мог бы восприниматься в системе советских знаний в от-

ношении обеспечения, сохранности (4) совершаемого «Правдой» поддерживающего выдвижение ударного действия (поддержка поддержки, – обеспечение, защита и сопровождение, своего рода замыкание в капсулу, обволакивание предшествующего в 3 направленного движения). *Довженковец* в отношении замыкающей схему движения в 5 мог бы быть объяснен с точки зрения идеи охвата (советским киноискусством новой действительности в ее проекции к построению социализма, советского человека и советского общества) и одновременно осуществленной реализации результата, т.е. реализованной, давшей способность для реализации, результировавшей и результировавшейся, воплотившей себя советской организации жизни и общества в киноискусстве и студии, носящей имя Довженко, стремившегося в своем творчестве к принципиально новому изображению новой, рожденной советской властью, действительности и ее человека.

1.2. Позицию заряженной, ориентированной готовности можно было бы видеть в контексте рассматриваемого (предполагающего знание советских институционных, идеологически проговариваемых и расставляемых реалий) на примере отобранных слов в значениях *кировец* и *краснопутиловец*. Отличие между тем и другим можно было бы интерпретировать как историческое. Не каждый носитель советизированных представлений, разве что житель бывшего Ленинграда, должен был знать, что «Красный путиловец» и завод имени Кирова, или Кировский, одно и то же промышленное предприятие. «Красным путиловцем» Путиловский завод становится в 1922 году (см. БСЭ-53), после активного участия его рабочих в отражении Юденича в 1919-м, подавлении Кронштадтского мятежа в 1921-м и восстановлении и запуске разрушенной гражданской войной производства. Кировским он становится с декабря 1934 года.

Попробуем, опираясь на взятые из БСЭ цитаты, увидеть вводимый официальным источником информации идейноориентированной советской картины мира характер возможных предполагаемых (предлагаемых?) соотношений *кировца* и *краснопутиловца* как представителей славного своим советским, а также революционным прошлым коллектива. «Благодаря постоянным заботам партии и правительства «Красный путиловец» сыграл громадную роль в техническом прогрессе социалистической индустрии, в освоении новых видов сложнейших изделий, в завоевании и упрочении технико-экономической независимости СССР. «Красный путиловец» является пионером по освоению в СССР массового производства тракторов. 17 дек. 1934 заводу присвоено название «Кировский завод». За годы Советской власти завод был оснащён новейшей техникой. Возрос ассортимент и объём продукции. Освоен выпуск мотовозов, тягачей, 30- и 75-тонных кра-

нов, проходческих щитов для метрополитена, моторов для комбайнов и т.д. Коллектив завода сыграл выдающуюся роль в выполнении ленинского плана электрификации. К 1939 заводом выпущено более 150 мощных турбин. ... за достижение высокой производительности труда К. з. награждён ... За образцовое выполнение производственных заданий по укреплению обороноспособности страны он награждён... Во время Великой Отечественной войны (1941-1945) коллектив завода самоотверженно боролся... была создана Кировская дивизия народного ополчения, бойцы к-рой плечом к плечу с частями Советской Армии защищали Ленинград. ... Несмотря на артиллерийский обстрел и бомбёжки, завод досрочно выполнял фронтвые заказы. ... После разгрома немецко-фашистских войск под Ленинградом в короткий срок были восстановлены цехи ... В годы четвертой пятилетки (1946-1950) производственные мощности завода значительно расширены ... Работники Кировского завода неоднократно выступали инициаторами всесоюзного социалистического соревнования и новых методов труда» [БСЭ-53, 21: 128].

В сжато концентрированном виде просматриваемую модель соотношений можно увидеть в приветствии Сталина работникам завода: «Поздравляю и приветствую коллектив рабочих, работниц, инженеров, техников и служащих со 150-летием Кировского (бывшего Путиловского) завода ... Завод сыграл историческую роль в революционной борьбе русского рабочего класса в установлении Советской власти и укреплении хозяйственной и оборонной мощи нашей Родины. После Великой Отечественной войны коллектив завода добился серьезных успехов в восстановлении завода и освоении производства важнейшей продукции для народного хозяйства. Желаю Вам, товарищи кировцы, дальнейших успехов в Вашей работе по выполнению заданий партии и правительства» (газ. «Правда», 1951, 3 апреля, № 93, стр. 1) [БСЭ-53, 21: 129].

Подчеркивается, называясь прямо, роль в революционной борьбе, в установлении советской власти, в укреплении хозяйственной и оборонной мощи; достижение успехов в восстановлении и освоении продукции народного хозяйства, что далее и в завершении обозначается как выполнение заданий партии и правительства. Порядок по времени, в истории *краснопутиловец* → *кировец*, представляемый как преемственность, движение к последующему, на новом историческом этапе связываемом с достижениями строительства социализма, обозначается в своем развитии как **переход** от роли в революционной борьбе, в установлении советской власти и в укреплении мощи к дальнейшему укреплению и расширению в восстановлении и освоении производства важнейшей продукции для народного хозяйства. То есть, тем самым, можно бы увидеть в этом, как осоз-

нанно отмеченное, соотношение позиции 2 (мобилизация готовности) с переходом и объединением к 3 (активно действующая направленная сила) и 4 (обеспечение, сопровождение, сохранность). Идея выполнения заданий была отражена в точке 3 для первого уровня членения (*чоновец, боец стройотряда, красноармеец, красногвардеец, интербригадовец*). С коллективом *кировцев*, однако, она связывается не прямо, а как дополнение и сопровождаемое последствие, не так, к примеру, как для отрядов ЧОН, строительных, интербригад, Красной гвардии и т.п., специально создаваемых для выполнения соответствующих заданий, в связи с чем может служить дополнительно усиливающей, поддерживающей, но не определяющей позицию для *краснопутиловца* и *кировца*.

На основании сказанного можно было бы интерпретировать их соотношение как 2 с переходом и движением к 3 ($2 \rightarrow 3$) для *краснопутиловца* и дальнейшее, поддерживаемое и расширяемое, усиливаемое на последующем историческом этапе, движение для *кировца* от 3 к 4 с обращением (т.е. $3 \rightarrow 4$, или $3 \leftarrow 4$, или возможно также $3 \leftrightarrow 4$), в зависимости от фазы, характера участия (война, опасность – мирное строительство) или приписываемого, предлагаемого, подразумеваемого значения.

Рассмотренные соотношения, однако, были выведены на основании исторических и отчасти специализируемых сведений. Необходимо было обращение к поясняющим источникам и идеологически ориентирующей информации, в данном случае к БСЭ 1953 года. Сознание носителя советской языковой картины мира далеко не всегда в достаточном объеме располагает для своей ориентации в ней такого рода сведениями как обыденными и повседневными. Не случайным поэтому и не безосновательным представляется вопрос о том, как соотносится идеологически ориентированное, опирающееся на официоз, значение, погружаемое в оболочку в нужном направлении интерпретируемых сведений, с тем представлением, которое бытует в сфере не нагруженного такими сведениями сознания. Отвлекаясь от знания того, что *краснопутиловец* и *кировец* – работники исторически одного завода, а также от того, что роль их в борьбе, установлении, укреплении, восстановлении и пр. была в рассмотренном соотношении сопоставима и от одного к другому переходна, можно было бы предположить, что ассоциативное сопровождение *краснопутиловца*, вследствие какого-то советского объема представлений общего характера, тяготеет к прошлому, к истории, к началу, к становлению и борьбе (типа *авроровцы* – *краснопутиловцы* – *краснофлотцы* как некий общий ряд). То есть, тем самым, к позиции заряженной готовности (2), с осязаемым переходом в 3 (направленность усилий). Восприятие *кировца*, как воплощения советской полноты и мощи – объявлен-

ный к 1935 году, после убийства Кирова, построенный в СССР социализм, последовавшее за этим, в ознаменование связываемых с Кировым идей, огромное количество всего его имени и кировского как торжество, триумф, необратимость достижений, советский трактор «Кировец», – все это подводило бы к позиции ударной силы (3) и обеспечения (4), каким-то образом взаимодействующим и связанным. Тем самым, на основе не обремененных дополнительными знаниями представлений и по другому мотивирующему основанию можно получить соотношение такое же, как и в предыдущем случае, может быть, с меньшим несколько акцентом к 3 у *краснопутиловца* и к 4 у *кировца*. Не стоило бы на одном примере обобщать, но подобное совпадение представляется в целом неслучайным, будучи следствием некоего резонирующего, отраженного и наведенного единства, хотя и строящегося нередко на разных основаниях, картины действительности, существующей в советских головах, и картины, намеренно и препарированно создаваемой источниками информации и пропаганды, прорисовываемой в своих значениях и мотивациях.

1.3. Позиция поддержки выхода, направленной силы выделась бы в проявлениях значений у слов *напостовец, пролеткультовец, рапповец, тассовец*. Дальнейшее различие между ними, во многом условное, можно представить как воплощение представлений о большей – меньшей активности (чтобы не говорить агрессивности) первых трех в отношении отстаиваемых ими идейных принципов, защитниками и проводниками которых они себя объявляли, а также о роли тех и других (не исключая последнего) применительно к делу строительства социализма в СССР и всего того, что с этим вопросом связано. Опорой в этом дифференцирующем по четырем из пяти возможных позиций решении будет не столько знание уточняющих исторических обстоятельств, которое можно вывести, обращаясь к источникам советизированной информации, сколько общее представление о каждой из этих групп.

Первые три, с учетом сказанного, могли бы выступить как соотносимые между собой в таком порядке:

1.3.1. *Пролеткультовец* – как тот, кто собой открывает следующий за ним ряд, отнесением себя, **выдвижением** к новой, подчеркнута пролетарской, культуре, отличающей его, как и то, что он собой представляет, от прежнего и от другого, с идеей намеренного отделения, отсечения, непризнания, неприятия, как своего рода начатая, объявленная, объявляемая им точка отсчета инокультурного проявления и бытия.

1.3.2. *Напостовец* – как тот, кто всегда «На посту», начеку, в своей **мобилизующей** себя и других **готовности** стоящий на страже завоеваний нового, новых идейных и социальных путей общественного и литературно-художествен-

ного развития, способный в этом, следуя принятым на себя самого групповым обязательствам, к решительным и бескомпромиссным действиям, сидящий с группой своей в засаде, на рубеже возможной борьбы, себя зарядивший, способный, будучи *на посту – напасть* (ассоциатив, по-видимому, не случайный).

1.3.3. *Рапповец* – известный своими неприятельскими и беспощадными методами политизированной борьбы со всеми, кто объявлялся ими идейно и классово чуждым новому обществу и представляемой ими пролетарской литературе, упорный, твердый, решительный в своих агрессивных действиях и проявлениях, уверенный в своей такой исключительности и правоте, а потому выступающий в роли, им принятой на себя, **ударной, направленной силы** действительно, истинно социалистического (потому как по-настоящему пролетарского) направления в советском искусстве.

1.3.4. *Тассовец* – не стоящий в соотношении к первым трем, поскольку воспринимаемый как бы в ином временном измерении, по роли и по своему отношению к *известинцу*, представляя с ним внутренне общий (советской языковой картины мира) функциональный парадигматический ряд, мог бы быть отнесен к позиции сохранения, обеспечения, защиты, не нападения, тех идеологических, политических, информационно-идейных и агитационно-пропагандистских рубежей, которые не он создает, не он формирует, но он отстаивает и ограждает.

В определенной ранне группе 2 массива заряженной наделенности, или направленно-сти, дальнейшее подразделение можно представить следующим образом:

2.1. К позиции исхода относилось бы *пролетарий*, если подразумевать в этой его семантике то отношение к определяемому как конечная цель построению общества (*opus finitum*), которое можно укладывать в представление – тот, кто причина, повод, начало начал, ради которого и во имя которого предпринимается. Основа, краеугольный камень, открывающий новую эру в истории, воплощение смысла и провозвестник, ключевая идея того, что призывается, что должно наступить, руками (по декларативному заявлению) и во благо которого все это делается. Тот, кто отрывает одновременно собой, обрывает связи с прежним, несправедливым, неправильным, несовершенным, основанном на подавлении, угнетении, уничтожении человека, отодвигая его в историческое небытие и начиная новый этап, открывая следующую страницу истории человечества. Абстрактность идеи, ее историческая привязываемость, неконкретность в конкретном для пролетарской массы в ее представителе и вместе с тем мотивирующая причинность заявленного большевиками преобразования общества – все это позволяет видеть в определяемом так значении проявление позиции выдвижения, выхода как начала, основы последую-

щего. *Пролетарий*, тем самым, воспринимается не только и даже не столько как некто отдельный и наделенный определенными свойствами, сколько как воплощаемая в нем и через него продвигаемая, выдвигаемая и распространяемая идея, нередко прямо с ним не соотносящаяся и непосредственно в своей обусловленности к данному и не только данному представителю отношения не имеющая. Будучи точкой, исходом такого начала, источником и ведущей причиной, *пролетарий*, в этом своем обособлении, видимо не случайно, в параметре принадлежности для позиции наделенности, оказался без валентности обусловленной связи с другими значениями, один.

2.2. К позиции заряда, готовности заряженной наделенности (повтор в данном случае неизбежен, поскольку речь идет о проявлении заряженности в заряженности, как своего рода готовность готовности, о чем говорилось на материале предшествующих параметров) – к этой второй позиции последующего уровня для второй позиции уровня предыдущего можно было бы отнести значения, отображаемые в словах, из отобранных, *красный, партийный* и *пролетписатель*, предполагая в них воплощением объединяющую их идею мобилизованности, втянутости, готовности себя проявить, заявлять о себе, принимать участие, не столько прямое, сколько организующее, агитационное, поднимающее других, в необходимое русло и направление. Различие между ними можно было бы уложить в последовательность 2.2.1 с переходом в 2 (1 → 2) для *красный* – как исходной точки имеющегося в нем заряда, начала признака (1) и постоянной готовности, следующей из него (2); 2.2.2 с переходом в 3 (2 → 3) для *партийный* – готовность, заряженность, мобилизованность, как условие и показатель партийности, постоянная необходимость быть в центре событий и начеку (2), связываемые с направленным, действующим, накладываемым партией как обязанность, проявлением в участии (3); 2.2.4. для *пролетписатель* – позиция, предполагающая и требующая от него поддержки, обеспечения, оправдания действий, осуществляемых во имя революционных, преобразующих, социалистических целей и идеалов.

2.3. Группу позиции действия, ударной направленной силы можно представить в последовательности 2.3.1. *рабочий* – как тот, кто есть сам и одновременно во имя кого осуществляет совершение, кто составляет основу, причину, исход (1) и вместе с тем основную силу (3) направленного преобразования общества с точки зрения своей принадлежности большему по основанию ее наделенности (2) как рабочей массы необходимыми свойствами для достижения целей; 2.3.2. *подпольщик* – заряженный, постоянно готовый к возможному действию (т.е. 2 с переходом в 3). Отношения между тремя остальными значениями, отнесенными к данной группе (*советский* как представитель власти,

кухарка, кухаркины дети), будут зависеть от вероятной их интерпретации.

Кухарка, если определять ее как представителя неподготовленных масс, не ориентированных и в целом далеких от реализации государственных дел и задач, на которых, однако, новая власть ориентируется в своих расчетах ее для подобных целей использовать и на нее полагает, в силу своей обращенной на простые массы специфики, положиться, такая *кухарка* в ее такой своеобразной позиции могла бы быть определена в напряжении между точками 2 и 4 (2 ↔ 4) – заряжаемых, подготавливаемых, мобилизуемых (2) как поддержка (4) возникающей в соединении того и другого, на стыке и у вершины, необходимости действия, применения ударной силы (3), но скрыто, не прямо, в предположении, а потому не проявленно и исподволь (из чего следует ее, этой точки 3, присутствие в явном виде, но имплицитная неизбежность из направляемых друг к другу 4 и 2).

Кухаркины дети, как следствие и продолжение предыдущего, могли бы быть интерпретированы в таком же взаимодействующем расположении, но последующих, точек 3 и 5 (3 ↔ 5) – как ударная сила, те, кто используются и действуют (3), представляя собой достижение советской власти, ее социальный и воплотивший себя результат (5), из чего, как подразумеваемое следствие, возникает из соединения двух проявляемых точек стоящая между ними 4 – как те, кто поддерживает, масса отпрысков, порождений кухарки, на которых советская власть в силу того, что их как силу вызвала к жизни и произвела, может по праву рассчитывать и способна, по замыслу, положиться. Кухаркины дети должны ее как свою поддержать, как дающую им от себя, их поддерживающую и как свое порождение обеспечивающую.

Советский (как представитель власти) мог бы быть интерпретирован в отношении 2.3. (4 ← 5) – как тот, кто, будучи прямым порождением, созданием, результатом, воплощенным итогом советской власти, наглядным ее представительством, в силу такой неотъемлемой связи с ней, является, должен являться тем, кто ее неизменно поддерживает, будет поддерживать, на кого она ставит и опирается, кто выступает гарантией обеспечения, на кого она может в любых своих действиях и начинаниях как на поддерживающее и сообщающее звено положиться.

2.4. Группу позиции обеспечения в ее составляющих можно представить в такой последовательности: 2.4.2. *совписатель* – как вызванный к жизни советской властью, а потому ей преданный, готовый действовать, мобилизуя и направляя в нужное ей идейное русло народные массы, воспитывая и подготавливая их соответствующим путем; 2.4.3. *социалист* – как тот, кто в силу своих убеждений должен и мо-

жет проявлять себя в необходимом действии; 2.4.4. *сочувствующий* – как тот, кто, будучи предрасположен, в целом готов оказать поддержку, способен поддерживать, на кого, в определенных условиях и при соблюдении ряда предохранительных тактик, страхующих от неудачи и обеспечивающих успех, можно рассчитывать и полагаться.

3. В группе массива призвания как точки ударно-направленной силы дальнейшее подразделение для представляемых в словах значений можно было бы показать в соотношениях вертикали и горизонтали (см. табл.), смысл которых усматривался бы в развертывающемся уточнении от 1 к 3 для вертикали и от 1 к 2 по первому, 1 к 4 по второму и 1 к 3 по третьему ряду для горизонтали.

3.1.	1. <i>чоновец</i>	2. <i>красногвардеец</i>		
3.2.	1. <i>боец стройотряда</i>	2. <i>конногвардеец</i>	3. <i>красноармеец</i>	4. <i>краснофлотец</i>
3.3.	1. <i>интербригадовец</i>	2. <i>конноармеец</i>	3. <i>конармеец</i>	

Объяснением такого, а не иного, возможно, расположения может служить нижеследующее:

3.1. В точке 1. *чоновец* – как позиция вынесения, обособления, отрыва от прочего, изолированная отдельность, особенность, исход, начало, поставленность надо всем и одновременно во всем, вне всего; в точке 2. *красногвардеец* – отдельная обособленность, выделенная исключительность, претворяемая в идею готовности, заряженности, мобилизованности для выполнения заданий, к которым призвана Красная гвардия.

3.2. Позиция направления, мобилизации и готовности – в ее обособлении, начале, особенности для 1. *боец стройотряда*; в ее напряжении, силе готовности для 2. *конногвардеец* (представления о гвардии и о конном, о том, что есть и чем были кони как несущая сила всадников); в ее участии, действии, продвижении в 3. *красноармеец*, а также в обеспечении, обороне внешних, морских, пространственных рубежей, охвата, защиты от окружения, от иного и внешнего для 4. *краснофлотец*.

3.3. Позиция активного действия, направленной силы выхода – в ее особенности, отдельности, исключительной специфичности в *интербригадовце* (1); в готовности действовать (2) в *конноармееце* и в собственно действии (3) в *конармееце* – как более динамичном, насыщенном, а потому и частотном, активном номинативе по сравнению с предыдущим дублетным своим вариантом, отнесенным поэтому к точке 2.

4. Группа массива поддержки, обеспечения, сопровождающего, а не прямого участия (позиция возвращения как сохранности осуществленного выхода) могла бы выглядеть в своих

составляющих следующим образом (незанятость позиций 4.1., 4.3. и 4.5. для параметра принадлежности в группе поддержки отнюдь не случайна):

4.2.1. *досаафовец* – как выделяемый, отмеченный, стоящий особо (1), в своей мобилизующей его (2) на поддержку, содействие (4) авиации, армии и флоту и ожидаемой, вероятной и добровольно им выбранной (2) деятельности; 4.2.2. *осволовец* – как готовый и подготовленный (2) для возможной в случае необходимости (2) деятельности по защите, спасению (4) граждан от бед на воде; 4.2.3. *осоавиахимовец* – как направленный (3) в своей предполагаемой, ожидаемой (2) деятельности по защите-содействию обороне и авиационно-химическому строительству (4). Отличие ДОСААФ от ОСОАВИАХИМ, выглядящее как малосущественное, состоит в перемене акцентов: добровольное общество, авиация, армия, флот, в первом случае, и без добавления «добровольный» в названии, оборона, авиационно-химический, во втором. Смещение в сторону большей у ОСОАВИАХИМ по сравнению с ДОСААФ направленностью, акцент в сторону не столько направленности, сколько отдельности положения в мобилизации на содействие для ДОСААФ, позволяют дифференцировать их представителей в указанном отношении, соответственно, как 4.2.3. и 4.2.1. для одного и другого.

4.4. Аналогичным образом незначительное смещение акцента в сторону большей в своем охвате для *фабзавкомовца* представительности по сравнению с меньшей *фабкомовца* позволяют для них различить внутри 4.4. позицию 2, как мобилизующую, организующую, готовящую, включающую, для первого, и позицию 4 – как обеспечивающую и поддерживающую, с объединением того и другого в подразумеваемом 3, для второго.

5. Принадлежность большему по признаку представительной отнесенности к некоему образованию внутри советского общества в целом, его структуре либо ее составным частям как достигнутый результат предполагало бы в своих составляющих примерно такое возможное подразделение:

5.1. Достигнутый результат в его изначальной, устроительно организующей и организующей далее, в своих продолжениях по вертикали и горизонтали, точке в порядках 1. *гражданин* (как исходное); 2. *каждый* (мобилизуемое); 3. *товарищ* (направленно-силовое); 4. *член* (поддерживающе-обеспечивающее).

5.2. Достигнутый результат в его точке мобилизации как собирания в расположении 1. *женотделка* (особенность ролевого структурного назначения); 2. *сельсоветчик* (мобилизующее в его готовности); 3. *управленец* (нацеленное на желаемый результат); 4. *низовик* (поддержка снизу, обеспечение надежности); 5. *правленец* (оформленная результативность).

5.3. Достигнутый результат в точке верши-

ны как направляемого к цели структурного устроения: 1. *политотдельщик* (выделенный, наделенный особыми полномочиями); 2. *политотделец* (он же, с акцентом к организующей мобилизации); 3. *активист* (как член актива, тот, кто призван, назначен, избран для действия); 4. *штабист* (член комсомольско-молодежного штаба, призванный обеспечивать и поддерживать необходимую деятельность); 5. *рабочкомец* (воплощение идеи рабочего управления, его итог, ощущаемый результат).

5.4. Достигнутый результат с позиции поддержания, обеспечения, сохранения, упорядочивания, порядка созданного: 1. *квартирант* (исходное, начало, точка имеющегося – данное как представитель имеющегося, того, что есть); 2. *койко-больной* (организуемое, упорядочиваемое, считаемое, воображаемый, представляемый объект, единица счета); 3. *жактовец* (активно действующее, распоряжающееся, всем и вся ему вверенным управляющее и управляющееся); 4. *жилтоварищ* (имеющий, располагающий, полноправный член, а потому заинтересованный, обеспечивающий и поддерживающий – гарант и охранная грамота жилищного и не только жилищного руководства); 5. *подписчик* (потенциал, опора, масса всего имеющегося людского ресурса, его оформленный и оформляемый, подстраиваемый, подтягиваемый к нужному виду и проявлению, направлению, управлению результат).

5.5. Достигнутый результат как итог итога, желательная оформленность создаваемого устроения общества в своих возможных проекциях оказались незанятыми.

Кумулятивность vs. аддитивность, противопоставляемые как основания отличия параметра, определенного нами как нужность, от рассмотренного в своих проявлениях параметра принадлежности, связываемые с имманентным для принадлежности либо приписываемым для нужности отношением к большему – коллективу, группе, объединению, множеству – отображаются в различающем их характере данного отношения. Если в параметре принадлежности заложена и дает себя ощутить идея включения, части большего, его элемента, а потому представительства, то параметр нужности предполагает нечто иное. Нужный воспринимается в отношении к группе включенного большего (что, впрочем, и не всегда обязательно) как занимаемая позиция и осуществляемая функция, придающая смысл, сообщающая движение данной сфере общественной деятельности. Как нужный поэтому тот, кого называют, определяется в отношении к включающему и большому через идею осуществляемых этим большим задач применительно к обществу, т.е. всей советской системе. Средства массовой информации и пропаганды постоянно подчеркивают эту общественно и функционально значимую черту, связывающую всех сидящих и находящихся на своих местах с необходимостью общего дейст-

вия во имя стоящей перед советским обществом и народным хозяйством цели.

Количественный состав параметра, по-видимому, неслучайно оказавшийся обширным, не позволяет с достаточной подробностью остановиться на анализе отдельных случаев с целью выявления описывающих и дифференцирующих признаков. Имеет смысл поэтому показать возможность разрешения такой задачи процедурно на каком-то примере. Следствием такого проективно-методического представления могло бы быть не исключаящее применимость обобщение, на основе которого можно было бы осуществить попытку, но не описания, а вписывания всех остальных номинативных единиц параметра в полученную в результате обобщения парадигму. Основанием парадигмы были бы две пересекающихся проекции к третьей, в своем пятивалентном для каждой различении позиций представляющие, объединяясь в признаках, значение, смысл определяемого номинатива, точнее занимаемое им семантическое знаковое место – в параметре и парадигме целого (парадигм-системе фрагмента советизированной языковой картины мира).

Основу пятивалентного различения позиций для каждой из трех проекций составляет общая, принятая в качестве определяющей для парадигмы целого и составляющих ее подпарадигм, идея запуска, сообщения движения, запуска в ход в пяти выделяемых фазах выхода, напряжения, направленной силы, обеспечения и достижения. Тремя проекциями, в условиях рассматриваемого параметра, можно считать а) советское общество в его целенаправленном устремлении социалистического строительства (система целого); б) данное объединение, группу, организацию, коллектив, совокупность, множество лиц, ограничиваемое каким-то признаком-показателем их число (составная часть, проектив системы целого); в) сфера, область, проективное поле их строительной социалистической деятельности (составная часть устремления целого). Четыре точки, с учетом двувёршинности первой (советское общество // в его устремлении), раскладывающейся на показатель массы-числа и заряженную модальность желаемого построения (оптативный императив финитива, конечной цели советского общества, – соответственно, квантум и модус его состава), с их отражениями в проекциях к б) и в), – эти четыре точки предполагают, объединяясь, пятую, вбирающую их в себя. Точкой этой является человек, лицо, единица части и целого, называемая и определяемая номинативом, словом и словосочетанием изучаемого языка. В основе проекций, тем самым, с учетом сказанного, но уже как бы не к горизонтали, а к вертикали, лежит тот же принцип пяти позиций, взаимодействующих и внутренне связанных между собой в соотношениях

и показателях.

Пять указанных фаз разворачивающегося и направляемого движения-запуска в зависимости от того или иного параметра, а также проекций внутри него, могут проявлять себя, обнаруживаясь и представляясь, по-разному. Более или менее точное определение признаков описания будет зависеть от предполагающих соотношения распределений всех составляющих, что не всегда достижимо (если вообще достижимо) при изолируемом от целого рассмотрении некоторого фрагмента. В связи с этим предпринимаемые нами попытки подобного определения носят характер условный и не окончательный.

Рассмотрим возможный характер предполагаемого по трем проекциям пятивалентного в пересечении (5 x 5) описания на примере такого слова, как *агроном*. Тремя указанными проекциями для него будут а) в отношении к советскому обществу, занятому социалистическим созиданием – обеспечение того и другого (общества в его созидании) посредством своего в этом общем процессе участия продуктами сельского производства, точнее было бы говорить, способствование нормальному ходу, течению, осуществлению такого обеспечения; б) в отношении к части, показателю квантум состава целого, это был бы советский колхоз, совхоз, коллектив сельскохозяйственных производителей, *агрономом* которых он выступает; в) в отношении сферы, области проявления в деятельности, показателю модус состава целого, это было бы полеводство, сельское хозяйство, сельскохозяйственная продукция, обеспечение ее производства. Объединяющей, фокусирующей точкой, искомой позицией в парадигме параметра, таким образом, можно вывести нужность его, *агронома*, как того, кто своей ролью, позицией в коллективе способствует осуществлению стоящих, ставящихся перед ним как советским сельскохозяйственным коллективом задач социалистического строительства (по обеспечению советского общества сельхозпродукцией). Роль его в этом способствовании представляется ролью внутри коллектива, распространяющей себя, проявляемой в нем. Как обеспечивающий обеспечение, в сельхозколлективе, *агроном* может рассматриваться в отношении ведущего, управляющего, знающего, того, без которого невозможен нормальный процесс сельхозпроизводства, фактически это его запускающий, исходная точка движения (1). Роль *агронома* по отношению к сельхозколлективу может быть понята применительно к представлению его в душе любого крестьянина, в человеке, ср.: *Агрономом может быть, должен быть каждый работающий на земле; В душе каждого земледельца живет агроном; Какой же крестьянин не агроном? Сам себе агроном* и т.п.

Позиция *агронома*, следовательно, может

в параметре нужности представляться в том отношении, что это ведущая, запускающая точка движения (1) по обеспечению (4) производства (3) сельхозпродукции (4). Первая точка позиции (1) выводится из отношения к сельхозколлективу, роли в нем (проекция б). Вторая, по обеспечению (4), и четвертая, сельхозпродукции (4) – из отношения к советскому обществу в его квантум и модус (проекция а). И третья, производства (3), по отношению к сфере, области, проективному полю деятельности (позиция в). В итоге всего получаем такое его представление, которое бы укладывалось в комбинацию признаков 4.1.4., с позицией, местом 1 на пересечении горизонтали и вертикали 4 : 4 (см. табл.). Смысл подобного представления заключался бы в том, что а : в, через общество и сферу деятельности, как объемлющие, охватывающие, концентрируются, соединяясь, в б-роль объясняемого в его деятельности с точки зрения советской действительности лица, его роль в функционирующей, проецирующей а и в для себя, для него непосредственной, составляющей целеустремленного в своем квантум и модус целого. Квантум и модус целого отражен в проекции а); модус целого – в проекции в), а квантум части, проекции, но не собственно целого, с ее собственным проективным модусом – в б). На этом основана логика предлагаемого нами порядка и матричного ее представления.

Позиция *председателя*, для сравнения, могла бы быть определена комбинацией 2.3.1. – как ведущая, открывающая, *предстоящая*, *председательствующая* роль (1, для проекции б, в отношении включенного большего для него и показателю квантум состава целого) в мобилизации этого квантум состава, т.е. советского, возглавляемого им коллектива, привидении его,

поддержании в состоянии рабочей готовности (2, для проекции а, в отношении к системе целого, советскому обществу в его целевом устремлении, квантум и модус целого) с предполагаемой желаемой направленностью к выполнению стоящих, ставящихся перед возглавляемым им коллективом задач (3, для позиции в, в отношении области проявления в деятельности, показателю модус состава целого).

Позиция *плановика*, соответственно, определялась бы комбинацией 3.5.2. – как организующая планированием в производственном коллективе (2, для проекции б) его целенаправленную деятельность (3, как проявление к проекции а) в ожидаемом, планируемом, закладываемом результате (5, в отношении к сфере деятельности, т.е. в проекции к в).

Пограничника можно было бы представлять в его роли комбинацией 4.2.3. – как активного действующего (3, для проекции б, в отношении к группе, квантум состава целого) по защите советских границ (4, в проекции к а), всегда готового дать отпор, обязанного быть начеку, в состоянии постоянной бдительности (2, в отношении к в, т.е. сфере его проявления в деятельности).

Дальнейшее представление номинативных единиц характеризуемого параметра нужности предполагает сходную в своей основе и процедуре модель, в связи с чем, для наглядности, имело бы смысл отразить его в виде таблиц(ы) (см. далее). По горизонтали позиции точек отображают проекцию а, по вертикали – проекцию в. Проекция б – показатель роли для квантум состава целого, как ближайшая и внутренне характеризующая, отмечалась бы цифрой в клетках пересечений.

а в	1	2	3	4	5
1				3. горняк	
2			2. деятель*	3. <i>пограничник</i> 4. дружинник	
3		1. <i>председатель</i>		1. звеньевой** 2. <i>экономист</i>	2. инженеры человеческих душ
4	3. <i>высотник</i>	3. <i>монтажник</i> 5. <i>кадровик</i>	1. землероб	1. <i>агроном</i> 3. <i>полевод</i>	2. <i>воспитатель</i>
5		4. <i>мастер</i>	1. <i>бригадир</i> 2. <i>плановик</i>		

* (политический, общественный, партийный, профсоюзный, заслуженный)

** (на производстве)

Для пояснения и примера значения некоторых номинативов (обозначены в табл. курсивом) можно было бы отобразить с опорой на параметризацию признаков в предлагаемых индексах (возможных, но не единственных):

Кадровик (2.4.5.) интерпретировался бы как тот, кто описывает, следит, наблюдает имеющуюся кадровую обстановку (5, идея сложившегося результата для б) в целях лучшей организации, мобилизации, поддержания ее в состоянии готовности (2 для проекции а) ради

целей обеспечения (4) производственного процесса.

Мастер (2.5.4.) – как тот, кто поддерживает, служит необходимым гарантом, обеспечением (4, для б) состояния организованности, мобилизации, рабочей готовности (2, для а) коллектива для выполнения им возложенных на него задач, для достижения необходимого результата (5, для в).

Бригадир (3.5.1.) – как тот, кто руководит, направляет (1 для б) работу (3, для а, осуществ-

вление производства) своих подчиненных на выполнение поставленных перед ними задач (5, для в, достижение результата).

Монтажник (2.4.3.) – как тот, кто своей работой, проявлением в действии (3, для б) формирует, создает необходимые сооружения (2, для а), цель которых служить обеспечением (4, для в) последующего производственного процесса.

Высотник (1.4.3.) – как тот, кто выполняет работу (3), рискуя жизнью, в исключительных по сравнению с другими условиях, на высоте (1), обеспечивая, тем самым, возможность реализации (4) каких-то заданий.

Полевод (4.4.3.) – как тот, кто, работая в поле, возделывая, обрабатывая его (3), обеспечивает (4) страну продуктами сельскохозяйственного производства (4).

Экономист (4.3.2.) – как тот, кто, будучи специалистом в финансово-материальной сфере (2), способствует (4) осуществлению (3) стоящих задач.

Воспитатель (5.4.2.) – как тот, кто, воспитывая, формируя подрастающие поколения, готовит (2) строителей будущего (5) страны, обеспечивая, тем самым, преемственность и продолжение (4).

Дальнейшее подразделение для большей наглядности (но не подробности) можно было бы произвести в три этапа, определив вначале

возможное распределение, но без пояснений, номинативов по пяти вертикальным позициям – в отношении а, т.е. к советскому обществу в целом в его целевом устремлении (см. табл. ниже). Затем – в отношении к в, к полю деятельности (последующая табл.). И, наконец, в отношении к б, коллективу (завершающая табл.). Условным критерием подразделения в пяти точках было бы уже многократно характеризовавшееся представление обозначаемого словом (словосочетанием) как 1) того, кто открывает движение, сообщает ход, начало, наблюдает его, стоит впереди, смотрит вперед (придание хода движению); 2) того, кто организует, мобилизует, собирает движение либо тех, кто должен, призван его совершать, придает направление, осуществляет этап подготовки, выводит на подготовительную позицию (придание напряжения); 3) того, кто действует, осуществляет движение, производит его, выполняет, реализует намеченное, наполняет, насыщает действием (реализация силы осуществления); 4) того, кто обеспечивает, сопровождает, поддерживает осуществляемое движение, придает ему защитный характер, предохраняет его (поддержка защитной силой); 5) того, кто собирает, окончательно формирует, результирует, формулирует, подводит, получает, доставляет итог (достижение, получение, предоставление результата).

кооператор кормач* совслужащий спец трудящийся глашатай (революции) гонец (революции) звеньевой (пионер) рабочие-изобретатели комгруппорг комиссар комсорг контрпропагандист новатор передовик	коммунальник коммунальщик леспромовец просвещенец хозяйственник агитатор горнист барabanщик знаменосец вожатый избач книгоноша культурмеец культторг культурник массовик массовик-затейник организатор педагог-организатор политрук пропагандист трибун (революции)	каракулевод каучуковод козовод коноплевод кроликовод кукурузовод куровод мараловод соболевод табаковод тутовод цитрусовод червевод	культпросветработник культработник милиционер нарпитовец профработник трудовик** финработник вахтовик дозорный (молодой, границы, рубежей, неба) мичуринец наставник	обществовед производственник прораб профсоюзник работник*** сбытовик сеносдатчик снабженец совработник хлебосдатчик военкор нотовец**** полквоенкор
--	---	---	--	---

* Работник колхоза, совхоза, на обязанности которого лежит кормление животных. [ТСЯС; БАС]

** Разг. Учитель труда в школе. [ТСЯС]

*** (ответственный, номенклатурный, руководящий, партийный)

**** Человек, работающий в соответствии с требованиями, установками научной организации труда (НОТ). [ТСЯС]

а в	1	2	3	4	5
1	глашатай гонец (революции) рабочие-изобретатели новатор передовик	просвещенец горнист барabanщик знаменосец трибун (революции)	кукурузовод соболевод кроликовод	вахтовик дозорный	прораб нотовец

2	звеньевой (пионер) комгруппорг комиссар комсорг	коммунальник коммунальщик агитатор организатор педагог-организатор	козовод куровод	профработник трудолик финработник	профсоюзник совработник
3	кооператор спец	леспромовец хозяйственник мас- совик массовик-затейник	каракулевод каучуковод	мичуринец наставник	производственник сбытовик сеносдатчик хлебосдатчик
4	кормач трудящийся	вожатый избач книгоноша политрук	коноплевод мараловод табаковод туовод	милиционер напитовец	работник снабженец
5	совслужащий контрпропагандист	культурмеец куль- торг культурник пропагандист	цитрусовод червевод	культпросветработ- ник культработник	обществовед военкор полквоенкор

а в	1	2	3	4	5
1	1. глашатай 2. гонец (революции) 3. рабочие- изобретатели 4. новатор 5. передовик	1. горнист 2. барабанщик 3. знаменосец 4. просвещенец 5. трибун (револю- ции)	2. кроликовод кукуруковод (3.) 4. соболевод	1. дозорный 3. вахтовик	1. прораб 2. нотовец
2	1. комиссар 2. комсорг 3. комгруппорг 4. звеньевой (пионер)	1. агитатор 2. организатор 3. педагог- организатор 4. коммунальщик* 5. коммунальник*	2. козовод 3. куровод	1. профработник 2. финработник 4. трудолик	2. совработник 4. профсоюзник
3	2. кооператор 3. спец	1. массовик 2. массовик-затейник 3. леспромовец 4. хозяйственник	2. каракулевод 3. каучуковод	1. наставник 3. мичуринец	1. хлебосдатчик 2. сеносдатчик производственник (3.) 4. сбытовик
4	3. трудящийся 4. кормач	1. политрук 2. вожатый 3. книгоноша 4. избач	2. коноплевод 3. мараловод 4. табаковод 5. туовод	2. милиционер 4. напитоковец	3. работник 4. снабженец
5	3. совслужащий контрпропагандист (4.)	1. пропагандист 2. культторг 3. культурмеец 4. культурник	2. червевод 4. цитрусовод	культпросветработ- ник (2.) 4. культработник	2. обществовед 3. полквоенкор 4. военкор

* Отношения между тем и другим, укладываясь в представление активности – актуальности, в чем-то сходны различиям *конармейца* и *конноармейца*, отмеченным ранее. Языковое частотное в определенном смысле влияет, по-видимому, на характер воображения и о предмете, в сторону большей либо меньшей его активности при условии совмещения дублетных номинативов. Данное положение, впрочем, не следовало бы воспринимать как правило, однако для языкового представления советской действительности, динамизированного и заряженного в своей активности, оно может быть далеко не случайным.

При соединении данных последней таблицы с материалом, представленным ранее (*агроном, председатель, пограничник* и др.), получающиеся совпадения в позициях, предполагали бы (как и в другом каком-нибудь аналогичном случае) либо перераспределение внутри позиций с учетом возникших соотношений, либо дальнейшее различие на последующих подуровнях с уточнением векторного, двойственно-переходного, перемещающегося характера входящих определений. Характер и процедура таких уточнений были показаны в предыдущих статьях, в связи с чем останавливаться на них еще раз не имело бы смысла. Из сказанного следует относительность, точнее

было бы говорить соотносительность, получаемых определений, связанная с идеей взаимодействующих, тянущих одно за другое, узлов общей, единой сети, каковой выступает описываемая парадигматика, предметом которой являются не слова и не семантика слов, а те семантические определители советского позитивного представления о человеке, которые отражаются, могут затем отражаться в семантике слов, но различным образом, в далеко не всегда однозначных и точных соединениях как в исходных своих, вертикальных, значениях, так и в значениях речевого и текстового, узуального или контекстного, употребления.

ЛИТЕРАТУРА

Большая советская энциклопедия. (БСЭ). 2-е изд. Гл. ред. Б.А. Введенский (т. 1-51). – М.: Гос. науч. изд-во «Большая советская энциклопедия», 1949-1958.

Большой толковый словарь русского языка. (БТС) [Гл. ред. С.А. Кузнецов] – СПб.: Норинт, 2000.

Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. – М.: Логос, 2003. 304 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 2000.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный (т. 1-2). – М.: Русский язык, 2000.

Купина Н.А. Советизмы: к определению понятия // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 35-40.

Ляшевская О.Н. Семантика русского числа. – М.: Языки славянской культуры, 2004. 400 с.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии. (ТСЯС) – СПб.: Фолио-пресс, 1998.

Русский семантический словарь. (РСС) Толковый словарь, систематизированный по классам слов

и значений. [Под общей ред. Н.Ю. Шведовой]. Т. I. – М.: Азбуковник, 1998.

Словарь иностранных слов. (СИС) 9-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1982.

Словарь русского языка в 4-х томах. (МАС) [Гл. ред. А.П. Евгеньева] 2-е изд. – М.: Русский язык, 1981-1984.

Толковый словарь русского языка. (ТСУ) [Под ред. Д.Н. Ушакова] (т. I-IV). – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935-1940.

Утехин И.В. Очерки коммунального быта. 2-е изд., доп. – М.: ОГИ, 2004. 277 с.

Червиньски П. Семантика советского позитива в контексте продуцируемого представления действительности (на материале обозначения лиц) // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26). С. 110-127.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц // Политическая лингвистика. 2009. № 1 (27). С. 132-147.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (2) // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 46-62.

Червиньски П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц (3) // Политическая лингвистика. 2009. № 3 (29). С. 69-86.

© Червиньски П., 2009

